

ЛЕНА СОКОЛ

Заставь
меня
влюбиться

Молодежная серия

Лена Сокол

Заставь меня влюбиться

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол Л.

Заставь меня влюбиться / Л. Сокол — «Автор»,
2019 — (Молодежная серия)

ISBN 978-5-17-110446-7

Машка – местный изгой. Дима – самоуверенный красавчик, который не привык к отказам. Судьба вдруг сталкивает их, поставив в неловкую ситуацию. Теперь девушке очень хочется сбежать, а дерзкий парень неожиданно предлагает поспорить, что влюбит ее в себя, да еще и заставит первой просить о поцелуе. Что ж, вызов принят! Ведь такого уж точно не будет никогда!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110446-7

© Сокол Л., 2019
© Автор, 2019

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
5	23
6	28
7	32
8	36
9	40
10	45
11	48
12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лена Сокол

Заставь меня влюбиться

*Это история парня и девушки.
История любви? Не уверена.
Ненависти? Тоже вряд ли.
Хотя...*

1

Все началось обычным весенним днем.

Я проспала. Открыла глаза, еще даже не догадываясь ни о чем, лениво потянулась и вдруг поежилась от холода. Апрельский ветерок ворвался в форточку, заставив трепетать тонкие розовые занавески и принеся с улицы прохладу с запахами талого снега, прелой травы и свежей выпечки.

Выпечки? Какого черта?!

Булочная на первом этаже нашего дома открывалась в восемь утра. Часам к девяти запах булочек с корицей, пышной сдобы и ржаного каравая с тмином обычно добирался до моих окон. Я подскочила на постели, пытаюсь разлепить глаза. Дотянулась до мобильного. Тот лежал на краю тумбочки и не подавал признаков жизни. Зарядного устройства, которое подключала вчера вечером, тоже нигде не было видно.

Так и оказалось – телефон сдох.

Я упрямо таращилась в темный экран, пытаюсь разглядеть цифры, которых там и не должно было быть. Аппарат был выключен. Сел, отрубился еще вчера. И, кажется, я знала, кого нужно было за это благодарить: братца-кролика – точнее просто братца, мирно храпящего за стенкой.

Соскочив с кровати, запрыгнула в старые рваные джинсы, неуклюже натянула любимый свитшот с изображением ребят из «Chromeo» и пулей понеслась в мамину комнату. Большие часы на комодке показывали половину десятого. Половину, мать его, десятого...

– Нет! Нет! Нет! – вырвалось с досады.

Шучу. Просто одно «нет» и пара крепких ругательств. Я ж вам не хрупкая героиня любовного романа. Но о моем искусном владении нецензурной лексикой знает лишь брат – все крепкие словечки обычно предназначаются ему. И заслуженно: он балбес, каких еще поискать.

Как я его терплю? Мне просто некуда деваться. Живем на одной территории, да и люблю я его – чего тут скрывать. Мы, как-никак близнецы. Ну, то есть двойняшки.

Но то, что он забрал вчера мое зарядное без спроса, лишив и средства связи, и будильника, не прощу. Зря, что ли, корпела над учебниками до двух ночи? Готовилась к такому важному зачету. А он, тупица, все испортил очередным своим глупым разгильдяйским поступком.

– Ну, и гад же ты, Пашка! – громко выкрикнула я, пнув дверь в его комнату.

– Отвали, сурикат. – Буркнул брательник, перевернувшись с боку на бок.

И накрылся одеялом с головой.

– Сейчас ты у меня за все ответишь! – Хлопнула дверью я и побежала собираться.

Ненавижу это прозвище. Обидное и жалкое. Прилипло ко мне в университете в прошлом году. Почему сурикат? Нет, не потому, что я, сложа лапки, вечно осматривалась в поисках опасности, словно маленький зверек.

Все из-за фамилии – *Сурикова*.

Нормальная фамилия, скажете вы, и только извращенцу могло прийти в голову придумать такое производное от него как сурикат. Но, к сожалению, у меня в группе учатся одни недоумки, которым нечем больше заняться, кроме как выдумывать прозвища и дразнить изгоев. Хотя нет, я не изгой, я – *невидимка*.

И до сих пор не стала объектом их издевательств только потому, что веду себя неприметно. Ботаники, неформалы – всем достается от кучки задавак, считающих себя элитой нашего универа. Но меня они пока не трогали. У нас с ними, вроде как, негласный договор: я делаю вид, что их не существует, они не замечают меня, и все довольны.

Когда все это началось? Пожалуй, еще на первом курсе.

Не сказать, чтобы тогда это меня сильно беспокоило. В школе я ладила со всем классом, врагов у меня не было, а в друзьях числилось несколько довольно приятных девочек. Ну, и брат. Мы с ним всегда были «не разлей вода», и с таким другом никогда не приходилось скучать. Жаль, что он назло маме после школы поступил в экономический колледж – в моем универе такой парень точно бы не пропал. И мне не дал бы превратиться в серую тень, которой я стала.

Помню свой первый день в университете, как сейчас. Совершенно неожиданным было оказаться вдруг на первом занятии, окруженной двумя десятками пар незнакомых глаз, встревоженных так же, как и я, от того, что оказались чужими в незнакомом месте. Все было новым, непонятным, но ужасно интересным.

Время шло, мы привыкали, втягивались в учебу. Мои одноклассники приглядывались друг к другу и находили точки соприкосновения. Вскоре образовались союзы по интересам, большие веселые компании и скромные междусобойчики. И как-то этот момент, видимо, прошел мимо меня – потому что в один прекрасный день я вдруг обнаружила, что не принадлежу ни к одной касте из вновь образованных.

Несколько ботаников, сбившихся в кучку, еще как-то более-менее общались со мной, могли перекинуться парой слов, но только по делу: все же, я числилась не самой тупой и даже могла подсказать им что-нибудь дельное. А вот неформалы огрызались – оказавшись в меньшинстве, они использовали агрессию, как самый эффективный способ защиты: не трогай нас – не тронем и тебя.

Среднячки же тянулись к «звездам» – так я называла компанию Костыля. Детки вполне обеспеченных родителей, посещающие пары только ради ежедневной тусовки и общения. Не богатенькие моральные уроды, а просто уроды (по версии моего личного хит-парада отможенных). Хамоватые, невоспитанные, зато с раздутым до небес самомнением. Еще бы – отпрыски уважаемых в городе людей, и потому избалованные, сытые и дорого одетые.

Почему их «альфу» все звали Костылем? Все просто. Этот debil год назад умудрился на спор с Лысым выпрыгнуть из окна аудитории и сломал ногу (говорю же, недоумок). Две недели на растяжке, долгие месяцы реабилитации, и приросшие, казалось, почти намертво к подмышкам костыли. Кость со временем заросла, а прозвище осталось.

А почему Лысый? Потому, что это тип пришел на первый курс с густой шапкой кучерявых волос, из-под которых не видно было даже его черных глаз. Смуглый, рослый, с ровным прямым носом – вылитый жгучий итальянец, он сразил всех наповал и своей внешностью, и прической. А прозвище – от противного, чтобы смешнее воспринималось. Видимо, по той же логике, по которой маленьких собачек кличут Гром или Цербер.

Самые красивые девочки, хорошо одетые мальчики – все они сразу потянулись друг к другу невидимым магнитом. А я вот это разделение на могучие кучки проспала и осталась одна. Ну, а позже просто привыкла.

Приходила, садилась тихонько на последний ряд и ныряла с головой в конспекты. Это стало моим способом медитации – записывать все, что говорили преподаватели. Слово в слово, точно стенографистка. Так можно было не отвлекаться на косые взгляды и недобрые перешептывания.

Сидишь себе, пишешь, никого не замечаешь вокруг. Переменка? Можно отдохнуть и порисовать. Громко, конечно, сказано «порисовать». Так, почиркать на полях или в блокноте. Пару забавных рожиц одноклассников, перевод песни для брата (чтобы он знал, о чем напевает под веселое треньканье на гитаре), и, разумеется, сердечки.

А как вы думали? Я же девочка. И все девчонки в моем возрасте мечтают о вполне себе взрослой любви. С прогулками вечером по темной аллее, обязательно за ручку и...как там в книжках? Ах, да, с поцелуями.

Схватив в охапку сонного Крыся, посмеявшегося недовольно мяукнуть, я сунула его Пашке под одеяло. «Так ему!» Эффекта ждать пришлось недолго: голые пятки брата нервно задергались, затем из-под одеяла послышалось сонное мычанье.

– Машка! – Его охрипший голос казался крайне раздраженным, что не могло меня не радовать. – Вот ты стерва...

– Я такая, да, – довольно хрюкнула я, натягивая носки.

– Крысь! – А это уже негодяю-коту, царапающему не в меру волосатые икры брательника. – Брысь! Иди уже отсюда, иди. Ы-ы-ы! Ма-а-аш, ну убери его?!

– И тебе доброго дня, Суриков!

Закрыла за собой дверь – так, чтобы кот не смог выбраться из комнаты и поддержал Пашкино пробуждение протяжным мяуканьем. Таким, как только он один умеет: громким, заунывным, максимально раздражающим. Усмехнулась и побежала к двери. Один мимолетный взгляд в зеркало. «Оп! Стоять. Это что, я вот так собралась выйти в люди? Е-мое...»

Поработала пятерней, пытаюсь унять непокорный каштановый бунт на голове, и уныло вздохнула. Ничего не поделаешь, а мне с этим еще жить. Пара завершающих и вполне бесполезных штрихов расческой, цветная (да, детская, ну и что?) заколка. И хитрая улыбка.

Проскользнула в любимые кеды, подогнула джинсы немного (так – для красоты), сняла с вешалки любимое кашемировое пальто нежно-кремового оттенка, на которое старательно копила несколько месяцев. Надела и закинула сумку на плечо. «Все равно чего-то не хватает». Напялила очки с круглыми стеклами персикового цвета.

Вот, теперь красотка. Никогда в таком прикиде не появлялась в универе. Так меня, пожалуй, и заметят.

Хотя, оно мне надо? По фигу, вообще. Просто по ба-ра-ба-ну.

Можно идти. Закрыла дверь. Громко (мвуаааххахаха!) и достаточно звонко – чтобы окончательно разбудить старшего (всего-то на пятнадцать минуточек) братца-лоботряса. А затем торопливо поскакала вниз через две ступеньки, усиленно пытаюсь сообразить, почему волосы одного и того же цвета и качества отлично смотрелись на голове парня по фамилии Суриков и совершенно нелепо торчали в разные стороны у меня. Шутница-природа, будь она неладна, и тут подвела!

«Сколько там у меня? Полчаса?» Поглядела на часы. Нет, уже двадцать минут осталось. «Проклятие!» В другой раз обязательно прошла бы пешком, тщательно вымесив кедами весеннюю грязь. Но не сейчас. Пожалуй, стоит воспользоваться общественным транспортом. Вон, кстати, маршрутный автобус вырулил из-за угла. О-очень кстати! Стой, стой!

Водитель притормозил и открыл двери, словно приглашая меня заскочить на ходу.

– В своем уме? – Всплеснула руками, еле сдерживаясь, чтобы не показать ему в стекло неприличный жест. – Давай по-человечьи останавливайся!

«Тц-тц-тц». Старая развалюха, которой давно пора на свалку, со скрежетом проехала еще пару метров и замерла на остановке.

– Другое дело, – проворчала я, запрыгивая внутрь.

Оплатила проезд картой и ухватила за поручень. Теперь успею к началу зачета по грамматике перевода. А он очень важен для меня, ведь его преподает сам Станислав Вячеславович. Мой Стас...

Нет-нет, конечно, педагог не догадывался, что он «мой». И что его как-то там зовут, пусть даже очень ласково, вроде Стас или Стасик. Но для меня он стал настоящим предметом обожания буквально с первого дня, стоило мне только его увидеть. Спутанные волосы, мягкие и кудрявые, совсем, как у моего брата. Светло-русые, намеревающиеся захватить весь мир и густыми прядями спадающие на лицо. Глаза – грустные, серьезные, большие и темно-зеленые. Такие темные, что кажутся почти карими, но стоит посмотреть на них на солнце, и они загораются тысячами зеленых отблесков, сливающихся из маленьких искр в крупные яркие изумруды.

Высокий, всегда скромно, но со вкусом одетый, и что немаловажно, привлекательный мужчина лет сорока с хвостиком. Скажете, староват? Нет, совершенно. Гораздо больше удручал тот факт, что ему не положено заводить близких отношений со студентами. Но и повод для радости был – мне оставалось учиться всего-ничего, два года с небольшим. Главное, обратить на себя внимание, заинтересовать, а в этом направлении я уже немного продвинулась.

Еще на втором курсе, чтобы не отставать от других студентов, я начала читать неадаптированную литературу. Прочла в оригинале «Европейцев» Генри Джеймса (чуть тогда мозг не вывихнула, но осилила). Очевидность прогресса моих языковых навыков заставила меня продолжать эксперимент, подбирая для чтения все новые и новые произведения в нашей библиотеке. Слушала много музыки и аудио-спектаклей и привыкала к особенностям произношения и отличиям в британском и американском английском, пока вдруг не решила резко сменить тактику.

А что, подумала я, если попробовать поразить Стаса не своими успехами, а наоборот – попросить помощи? Смелый ведь ход? И тогда по моей просьбе мама договорилась о двух часах в неделю дополнительных занятий. Индивидуальных. Для меня одной. *У нас дома.*

Стасик приходил по средам и пятницам вечером. Вот уже два месяца. Мы садились за стол в гостиной – на расстоянии полуметра друг от друга. Опасно близко. Так близко, что сердце гулко отдавалось в ушах от каждого случайного соприкосновения рукавами. Я закусывала до боли губу, боясь, что он услышит. Но он продолжал монотонно объяснять материал, который был для меня проще пареной репы. Ловя глазами каждое движение его губ, я слушала и наслаждалась этой близостью.

Иногда, когда запах его парфюма ударял в голову, мне хотелось поцеловать Стаса и посмотреть на его реакцию.

Вот наши взгляды встречаются. Искра, словно от спички. Еще несколько секунд на раздумье и долгожданное встречное движение.

Мммм... С каждым разом это видение становилось все реальнее и, казалось, вот-вот желанное произойдет наяву, а не в моих глупых мечтах. Но, как всегда, заходила мама со своим традиционным «я только поставлю вам чаю и уйду» и все обламывала, отдаляя меня от моей цели и мужчины-мечты все дальше и дальше.

Разумеется, оплачивала я эти занятия из своего кармана. Маме и так было тяжело: на ее шее висели мы с братом, квартплата, кредит подонка-отца, бросившего нас еще в детстве, и сам подонок-отец. Да-да, вы не ослышались. Узнав, что этот тип болен (черт знает чем – мне все равно, но лучше бы он поскорее загнулся от этой дряни), мама решила ему помогать и теперь навещает несколько раз в неделю уже в течение пары лет.

Из-за этого у нее с Пашкой постоянно конфликты: брат громыхает своими вечеринками, шокирует татуировками, пирсингом, сигаретами и странного вида деваками, которых пачками тащит к нам в квартиру. А я держусь ровно и стараюсь не расстраивать родительницу еще больше. Молчу про учебу, проблемы, подрабатываю переводами, батрачу в свободное время в местной забегаловке и стараюсь не злиться. Одного стихийного бедствия на семью, пожалуй, будет достаточно.

2

Удобнее устроившись на сидении напротив выхода, я облегченно выдохнула и уставилась в окно. Через пару минут в голову пришла идея полистать конспекты, пока эта развалюха медленно ползет в сторону универа. Сняв очки, я запустила руку в сумку, где приятно шелестели исписанные мною тетрадки – зеленые, желтые, красные. Мои богатства, мои верные спутники.

И в этот же момент автобус подскочил на кочке, резко вытряхнув из меня последние остатки сна, а затем стал сбавлять ход перед следующей остановкой. Отпустив конспекты, я покосилась на водителя. Если бы не такой чудесный весенний день, точно послала бы ему мысленно пару крепких ругательств.

Повернулась к окну. Солнышко пробивалось сквозь мутные стекла автобуса невероятно прозрачными, яркими лучами, растекающимися по салону, словно медовая акварель. Их блики вспыхивали, отражаясь в хромированных поручнях и даже в моих часах, и рассыпались на десятки солнечных зайчиков на сидении и под ногами. Красота!

Обожаю весну. Природа просыпается, согревает своим свежим дыханием, радует первыми цветами, звонкими ручейками. И даже музыка в наушниках звучит веселее, заставляя шагать вприпрыжку.

«Тц-тц-тц-ц-ц!»

Опять! Автобус со страшным скрипом притормозил возле остановки. Я убрала за ухо волосы, упавшие на глаза.

Похоже, водитель решил не испытывать в этот раз терпение пассажиров – остановился, как положено, и открыл двери. Желающих прокатиться в такую прекрасную погоду нашлось немало: целая орава первоклашек во главе с учительницей с шумом влетели и рассосались по сидениям в хвосте салона, а следом за ними вползли и заняли места рядом с водителем две ворчащие и спорящие друг с другом бабушки. «И как пенсионеры вообще выносят такую жару в своих пальто, зашторенных буквально по подбородок? – подумала я. – Да еще и в глухой вязаной шапке в комплекте с платком, плотно обернутым вокруг шеи. Загадка».

Втянув носом приятный свежий аромат весны, вдруг ворвавшийся в салон, я еще раз утвердилась в мысли, что, все-таки, лучше этого времени года и быть не может. И плевать на лужи, на грязь, которую приходится месить собственной обувью вплоть до конца апреля, плевать на серые кучи снега и мусор после зимы на газонах. Это же весна! И ничего не может быть прекраснее нее!

Но взгляд на часы быстро вернул меня в реальность: я нетерпеливо постучала пальцами по коленке и покосилась на спину водителя. «Пора бы и отправляться, чего он там ждет?» У меня важный зачет, нельзя опаздывать. Он что, уснул там? И тот, словно услышав мой внутренний монолог, обернулся, полоснул по мне хмурым взглядом и лениво нажал кнопку, закрывающую двери.

«Вот так уже лучше. А теперь поторопимся, иначе...»

Дверь, почти закрытая до конца, заскрежетала, перехваченная чьей-то рукой. Я увидела сначала пальцы – длинные, покрытые цветными татуировками от ногтей до запястий, увешанные странными массивными кольцами-печатками. Они вцепились в нее и с силой дернули в обратную сторону. Ветхая конструкция не стала сопротивляться – открылась податливо и мягко.

Через секунду вслед за костлявой рукой появилось такое же худощавое тело. Это был... парень. Высокий, сутулый, в вытянутой, длинной серой футболке, непроницаемых черных очках и потертой кожанке. Он запрыгнул на ступеньку. Я замерла. Голова его качнулась из стороны в сторону, пугающе и опасно. Он словно хищник выискивал глазами жертву, хотя, именно глаз и невозможно было разглядеть сквозь черные стекла очков.

Перестав мотать головой, незнакомец взялся за поручень, оббив тот своими безобразными тонкими пальцами, и как-то странно покачнулся, хотя автобус еще не начинал движение. Наклонился всем телом на металлический релинг справа и снова принялся сканировать салон взглядом.

Я выпрямилась, стараясь не дышать. Еще не хватало, чтобы этот наркоман занял место напротив меня. Бледный, помятый, явно страдающий от похмелья или чего там у них, нариков, бывает, он навалился на поручень, ожидая, пока автобус тронется и наберет скорость. Навис надо мной, как многоэтажка, угрожающе покачиваясь, и уставился...

«Да блин!»

Опять мне не повезло. Это чучело заприметило-таки свободное место!

Парень отпустил поручень, сделал шаг и рухнул на сидение напротив, точно тяжеленный мешок с картошкой. Ну, или с костями. Потому что он явно был изможден, как и все любители курнуть, закинуться чем-нибудь запрещенным или уколотся. Сел, вытянул свои длинные худые ноги в узких черных джинсах, расслабил плечи и завис, глядя куда-то сквозь меня.

По спине пробежал холодок. Взгляд этого чудилы явно был направлен в мою сторону, но вполне могло статься, что он просто спит, а не рассматривает брошку на моем пальто. Я прижала к себе сумку и робко опустила глаза. В пол. А как? Не на него же глядеть? Если он такой наглый и бесцеремонный, пусть пялится на меня. Но лично я так не могу.

Посмотрела налево. Старушки уже перешептывались друг с другом, обсуждая странного пассажира, и брезгливо плевались в его сторону. Глянула вправо. Малыши-карандаши застыли с выражением ужаса на лице. Эксцентричный парень с татуировками захватил все их внимание, обеспечив хотя бы на какое-то время, но идеальную тишину в салоне.

Я опустила взгляд на свои кеды и выдохнула. Ну, и что? Да, тип отвратительный. Но не тронет же он никого прямо на глазах всего салона? Пусть себе сидит, а я пока посмотрю на него. И очень осторожно стала скользить взглядом снизу-вверх.

Кроссовки. Спортивные найки, хай-топы с золотистым логотипом и красными шнурками. Донельзя белые и омерзительно дорогие. Новенькие. Или просто чистые. Ну, не летает же этот экземпляр на метле? Ходит, как и все, по улицам. Значит, только вышел из дома, цело-мудренно-незапачканный, не отмеченный серо-коричневой грязью этой весны.

Руки. Ухоженные, мягкие, с тонкими пальцами. Металлические цепочки и браслеты на запястье. Много татуировок в цвете. Рисунки тянутся диковинными завитушками и загадочными буквами вверх, перемежаясь со штрихами и, кажется, чем-то похожим на черепушку, ныряющую в рукав куртки. Это на одной руке. Вторая чистая, как белый лист, покоится на его ноге.

Поза дерзкая, расслабленная. Положение хозяина жизни. Сидит, не дергается, не собирается даже оплачивать проезд. И все будут молчать, никто не скажет ни слова. В том числе и водитель. Я уверена в этом, потому что и сама бы не заикнулась. Кто знает, чего ожидать от такого кадра, расписанного под хохлому?

Подняла глаза выше. Робко, медленно, стараясь делать вид, что думаю о чем-то своем.

Куртка: черная, кожаная, с английским воротником, усеянная металлическими клепками-застежками. Даже со своего места можно было представить, как она пахнет кожей – дорогой, мягкой. И в контраст ей длинная футболка, превосходящая по длине. Серая, линиялая, вытянутая. Такой будто несколько раз помыли полы, потом выстирали, высушили и надели снова. Короче, по ходу, тоже адски дорогая вещь.

Станный тип сидел, развалившись на сидении, и мерно покачивался всем телом в такт автобусу. Наверняка, еще и ловил кайф от того, как его открыто разглядывает добрая половина салона.

А я тем временем продолжила свое исследование. Подняла глаза выше. В ворота футболки незнакомца красовался очередной рисунок. Татуировка поднималась вверх, раскраши-

вая шею оттенками синего, красного и желтого, и заканчивалась где-то за левым ухом. Крылья, перья, когти какой-то птицы. А на плече вроде клыки? Не видно полностью, можно только дорисовывать в уме.

Не тело, а холст, блин. Надо же так себя изуродовать! И как люди это делают? Да еще и добровольно. Мне непонятно.

И вдруг я чуть не охнула, заметив, что он пялится на меня прямо поверх слегка спущенных на переносицу очков. Брови нахмурены, губа закушена ровными белыми зубами. Вот ведь наглец!

Быстро отвернулась и уставилась в окно.

Не хватало еще, чтобы начал приставать ко мне с болтовней или предложениями употребить чего-нибудь запрещенного. Еще две остановки, и я буду на месте. Автобус свернул на нужную улицу и ускорил движение. Поглядывая на часы, я чувствовала себя неуютно под этим взглядом, пронзающим насквозь.

Рука наркомана – та, что была «от» и «до» изрисована цветными чернилами, шевельнулась, невольно приковывая мое внимание, и медленно потянулась за чем-то во внутренний карман кожаной куртки. Я облизнула пересохшие губы, не зная, чего ожидать. Напряглась всем телом. Секунда, и из кармана показалась алюминиевая банка с какой-то дрянью.

Пиво? Энергетик? Газировка? Не было видно – он обхватил ее своей измалеванной клешней и поставил на коленку. Взялся свободной рукой за язычок на крышке. Не собирается же он открыть ее прямо здесь?! Ужасно бестактно. Я брезгливо отвернулась, чтобы убедиться, что и остальные пассажиры в недоумении.

Большинство пыталось делать вид, что заняты чем-то важным, вдруг появившемся на экране смартфона или за окном. И только школьники сидели, с интересом разглядывая чудака и негромко перешептываясь.

«Кхш-кшшш...»

О, ужас. Я сразу поняла, что это за звук. Он что не слышал о запрете распития спиртных напитков в общественных местах?! Вскрыл банку, приложил к губам и принялся жадно глотать. Дикарь! Он вообще знает хоть что-нибудь о манерах? Я покосилась на него из-под полуприкрытых ресниц и вжала голову в плечи, наблюдая, как содержимое банки, вторя движениям кадыка, исчезает в его желудке.

Парень выпил все до последней капли. И, хмуро оглядывая тару из-под напитка, скривился, разнося свое неудовольствие мелкими морщинками по бледному лицу.

Ох, если он сейчас еще и рвнет, меня вырвет. Точно вырвет. Просто вывернет наизнанку прямо здесь! Вот что за мерзкий тип!

Бросила взгляд за окно. Автобус промчался мимо пустой остановки и двинулся дальше. Отлично, значит, быстрее доеду и успею к началу зачета. К своему Стасу...

«Кхш-кххшшшш!»

Он в своем уме вообще, нет?! Запредельно громко и невыразимо бессовестно этот тип смял алюминиевую банку в руках, превратив ее в ровный алюминиевый блин.

«Блин!»

Моя челюсть отвалилась, когда он бросил смятую посудину рядом с собой на сидение. Прикрыв разъяренный от возмущения рот, я сглотнула и оглянулась по сторонам. Никто, *буквально никто*, не хотел конфликта – все дружно смотрели куда угодно, только не на источник громкого звука.

Я повернулась к наглецу. Не дрогнув ни единой мышцей на лице, он невозмутимо достал из кармана жевательную резинку, распечатал и отправил в рот. Фантик, само собой, разумеется, полетел туда же, куда и банка – на сидение рядом. Нарушитель порядка положил локти на спинку сидения за головой и растянулся ленивым котом, медленно двигая челюстями.

«О, моя остановка!» Наконец-то.

Я схватила сумку, нетерпеливо накинула на плечо и рванула к выходу. Встала всего в метре от татуированного наглеца, боясь даже взяться за поручень возле его плеча. Осторожно ухватилась с другой стороны, переступила с ноги на ногу и стала считать секунды до полной остановки автобуса. Сейчас этот парень был настолько близко от меня, что при желании можно было разглядеть каждую пылинку на его куртке, каждую капельку пота, стекающую вниз по шее в ворот футболки, но я не смела даже краем глаза взглянуть на это «чудо природы».

«Тц-тц-тц-ц-ц...» Двери открылись, и я спешно ломанулась к выходу. На волю! Скорее. Сколько у меня там в запасе? Три минуты! Да что ж за день-то такой!

3

Солнце уже безжалостно поливало своим горячим светом, заставляя замуриваться с непривычки. Ускоряясь вдоль по тропинке, ведущей к главному входу, мне вдруг почему-то захотелось обернуться, чтобы последний раз глянуть на всклокоченные, стоящие дыбом черные волосы, вниз от которых, прямо за ухом, разливаясь радугой, тянулась яркая татуировка, ныряющая под воротник крыльями огромной птицы.

Вот зачем мне это? «Сурикова, ты что, чудаков в своей жизни не видала?» Дома есть один, такой же костлявый, всклокоченный и невоспитанный. Но голова уже поворачивалась, отыскивая взглядом сидение возле самого выхода. Автобус отъезжал от остановки, набирая скорость. Мутные стекла мелькали одно за другим: первое, второе, третье... Пусто! А дальше взбудораженные лица школьников, провожающие взглядом... меня.

Меня?! Я обернулась и испуганно вздрогнула, заметив высокую черную фигуру, движущуюся следом. Руки в карманах джинсов, плечи ссутулены, взгляд устремлен под ноги. Чуть не запнувшись, я спрятала глаза, развернулась в сторону универа и добавила скорости.

Не хватало еще попасться ему в лапы. Почему он вышел на моей остановке? Почему идет за мной? Зачем я поперлась по этой тропинке среди деревьев вместо того, чтобы пойти по нормальной дороге, где все ходят? Вот дура!

Шаги, твердые и уверенные, смягченные лишь подошвой дорожных найков, эхом отдавались в голове. Я судорожно перебирала в памяти, что такого лежит у меня в сумочке, что можно было бы использовать в качестве орудия защиты. Наверное, следовало взять в руки хотя бы шариковую ручку. Ткнуть в шею, если эта обезьяна подойдет ближе и попробует, хотя бы дотронуться до меня!

Хотя зачем человеку явно обеспеченному преследовать кого-то? Чтобы обворовать? Вряд ли. Насиловать посреди бела дня? Нет, он, пожалуй, мучается больше от похмелья, чем от полового зуда – вон какой помятый. Ой, а если этот тип просто нанюхался и ничего не соображает?

И еще ускорила шаг. Береженого Бог бережет.

Тропинке конец, а тут какой-то гадкий сучок под ногами, хрясь – и правая нога предательски завернулась внутрь, откидывая мое тело вперед. Да как так-то, а?! Я беспомощно вскинула руки и с размаху приземлилась на кучу прелой травы возле дороги. Волосы встрепенились в воздухе и упали прямо на лицо, закрыв глаза.

Когда падаешь главное что? Правильно: не запоросячить новый прикид. Поэтому не удивительно, что я успела принять позу человека, готового к отжиманиям. Колени прямые, вес тела на вытянутых руках, кеды упираются в грязь самыми носочками. Сумка съехала с плеча и повисла в сантиметре от земли. Да блин! Блин же!

И как я так умудрилась? Еще и в такой момент, когда тебя преследует неведомое науке существо. Топают позади, как слон. Все быстрее и быстрее. На водопой что ли торопится?

– Помочь? – донеслось вдруг из-за спины.

Насмешливо, но, надо признать, с некоторой долей участия.

Голос оказался глубоким, низким и немного с хрипотцой. Неожиданно приятный, черт его подери. Но на меня подействовал, словно будильник – очень отрезвляюще. Барахтаясь в позе ползущей черепахи, я нервно выдохнула и движением головы откинула волосы с лица. Переставила ноги, оперлась и встала, спешно отряхивая руки от пыли.

К пальцам прилипли веточки, песчинки, остатки сухой прошлогодней травы. Надо же было так опозориться! Растянуться на глазах у этого типа! Да еще и...

Опаньки. Бросила взгляд на часы. Одна минута. Одна чертова минута до начала зачета! И я припустила через дорогу, молча и не оглядываясь назад.

А что? Как будто, так и надо. Может, я не падала? Может, отжималась? В детстве, поскальзываясь зимой, я всякий раз делала вид, что так и было задумано. Кто знает, вдруг, мне полежать захотелось, отдохнуть? И нечего так пялиться, а тем более ржать. Вдруг человек ногу сломал? Обидно же.

Метрах в пятидесяти впереди уже маячило здание, в двери которого дружной толпой ломились студенты. Ох, и наши тоже, наверное, еще не все собрались. Есть шанс забежать в аудиторию незамеченной. Все, как я люблю. Маша – серая мышка. Маша – невидимка. Маша – только не вызывайте меня к доске для устного ответа.

Отряхивая по пути липкие от травы и грязи ладошки, я неслась к входу. Надо признаться, меня даже разжарило. С одной стороны чудесное апрельское солнышко, ласково дарящее свой свет. С другой – предвкушение встречи со Стасом.

Вот что за мужчина: видный, красивый, хорошо сложенный. В самом расцвете сил. Всего сорок с небольшим. И каждая мелкая морщинка на лице лишь придавала ему шарма. И еще эти глаза. Печальные, глубокие. Просто оружие массового поражения! Пожалуй, стоит законодательно обязать всех владельцев таких глаз носить темные очки, чтобы не сводить женщин всех возрастов с ума. Ах, если бы он только обратил на меня внимание, я бы уж побеспокоилась о том, чтобы эти глаза засветились от счастья!

Добежала до ворот и не сдержалась. Оглянулась, как бы невзначай, немного повернув голову вбок. Блин, да интересно же, куда свернул этот размалеванный. Скользнула по асфальту, пробежалась взглядом по бортику, еще немного... оп...

Нет-нет-нет! Мои опасения подтверждались. Странный парень топал прямо за мной! Лениво и не торопясь. Прямоком к зданию университета. Я опять добавила скорости. Лучше бежать быстрее Усейна Болта и предпоследней зайти в шумную аудиторию, чем опоздать, приковывая к себе внимание тридцати пар любопытных глаз.

Ужасно захотелось вновь обернуться. Что это со мной сегодня? Странно, что я не видела этого дылду здесь раньше. Интересно, где он мог учиться? Что за специальность? Будущий аййтишник разве что. Ну, не математик же, не историк, не культуролог, не юрист? Скорее всего, даже не учится здесь, пришел, наверное, встретить кого-то. Такого я бы раньше заприметила, точно.

– Здравствуйте, – почти не слышно буркнула я под нос, забегая в здание.

Охранник, молча, кивнул. Он кивал всем. Такая у него была работа. Сейчас поток схлынет, и можно будет вернуться к заунывному чтению желтых газет с кроссвордами. Ему уже не терпелось, поэтому он, хмурясь, поглядывал на часы.

Поток студентов немного стопорился возле турникета. После прошедших недавно учений с этим делом стало строго. Дежурные на вахте следили в оба, чтобы все шло по правилам. Никто не перепрыгивал, не проходил, прилипнув к чужой спине. Один «пик» – зеленая стрелочка, проходит один человек, потом следующий.

Это всех раздражало, но высказываться было бесполезно. И я тоже терпеливо ждала своей очереди.

Наконец-то! Подошла ближе, подталкиваемая чьими-то тычками в спину, приложила сумку. Кх-хм. Прокашлялась, ожидая заветного сигнала. Но ничего не произошло. Потя, перевернула сумку другой стороной. Приложила. Опять ноль эмоций. Да японский городской! Пресвятой Оксфордский словарь, чтоб тебя!

Сзади кто-то громко выругался. Взгляд охранника тут же метнулся в толпу, пытаюсь вычислить нарушителя, но народа было слишком много.

Я продолжала прикладывать сумку к турникету, старательно перетряхивая содержимое. И опять все тщетно.

– Дай уже другим пройти! – выкрикнули за спиной.

– Пропустите, пожалуйста. – Сквасив жалобную мину, пропищала я в сторону охранника. – Опаздываю на зачет. Откройте, а?

– Не положено. Ищите пропуск или отправляйтесь домой. – Взгляд мужчины говорил о его непоколебимости. Он собирался отработать свою зарплату до последней копейки.

– Ну, что вам стоит? – Мне ужасно не хотелось рыться в сумке при всех.

– Отойдите в сторону, девушка. Вы задерживаете остальных!

Бросил, не глядя, и даже бровью не повел. А в это время чьи-то сильные руки уже отодвинули меня в сторону.

– Можно хотя бы не толкать?! – Гневно бросила я, дернув плечом.

– Подвинься, – пробубнил какой-то широкоплечий гад в синей толстовке.

Я отошла в сторону и расстегнула сумку. Ее содержимое напоминало белье после стирки в барабане машины. Косметика выпала из косметички и рассыпалась, перемешавшись с очками, сотовым, ключами от квартиры и блокнотами с цветными ручками. Два ощутимых неприятных тычка достались мне одновременно с двух сторон.

– Да чтоб вас! – Я готова была зарычать от досады. – О, Галя! Галя, стой!

Я крепко схватила девчонку за рукав. Ответом мне был пренебрежительный взгляд сквозь толстые стекла очков.

– Что? – спросила одноклассница, вырывая руку.

– Галя, я не могу найти свою карточку.

– И?

Эти ботаники иногда могут быть ужасно занудными. Мне уже хотелось потрясти ее за плечи, как следует.

– Галя, дай мне свой пропуск, как пройдешь. Пожалуйста! Просунь вот здесь, а?

– Я не могу. – Она вздохнула, наградив меня сочувствующим взглядом.

– Ну, почему?

Еще один взгляд. Так жалеют умалишенных, сирых и убогих.

– Я пройду. Система отметит, что я в здании. Ты не сможешь войти, пока система не выпустит меня отсюда.

– Что?

– Не сработает пропуск, что! – Она двинулась к турникету. – Потому что я буду в здании. Ты разве не понимаешь, как это работает?

– Черт, – я опустила руки.

Стоило бы выбраться на волю, чтобы хорошенько перетряхнуть содержимое сумки. Еще есть время. И зачет успею сдать, и со Стасом повидаться. Поток студентов, жаждущих успеть к началу занятия, потихоньку иссяк. Поэтому я легко выбралась на крыльцо.

Судорожно начала рыться в сумке. Каких только удивительных вещей там не было скрыто. Билеты в кино, куда мы с Пашкой ходили еще осенью, наушники, запутанные и связанные узелком, фонарик (на черта мне фонарик?), старая жвачка, завернутая в фантик, мягкая купюра, зажигалка, духи. Смысла не было перебирать этот хлам по второму кругу. Нужно было сесть.

И я направилась за угол к моей любимой скамейке. Всю дорогу туда, рискуя вновь растянуться на асфальте, я копалась в бездонных карманах. Натыкалась на скрепки, пуговицы, монетки. Это вообще карманы или кладбище потерянных вещей? Извлекла на свет божий квитанцию из ремонта обуви, скомкала и швырнула в урну возле скамьи. Ноги запутались в обрывках сигнальной ленты. Наступила на нее, отдирая от кед, и замерла.

Взгляд застыл на идеально белых кроссовках с красными шнурками. Таких знакомых. Но откуда? Вот ведь блин...

Меня словно молнией прошибло. Во рту пересохло, и ужасно захотелось почесаться. Везде. Чтобы снять нервное напряжение. Я так была занята выгребанием мусора из карманов,

что не заметила присутствия на своей любимой скамейке высокого незнакомца. Того самого, о существовании которого уже успела забыть в горячке поисков потерянного пропуска.

4

– Привет. – Он нахально улыбался.

Очки подняты на лоб, вздыбливая непокорную черную челку. Куртка распахнута, под ней футболка, облегающая крепкие мышцы.

Да, черт возьми, они у него были! Не качок, не спортсмен, но и не вялый дрищ. Худой, жилистый, поджарый, словно гончая. При свете дня парень уже не смотрелся бледным подобием человека. Всего несколько минут, а такое нехилое преображение.

Да и поза незнакомца уже не была такой вызывающей. Он сидел, немного наклонившись вперед, уперев ладонь в колено, и курил, зажав сигарету между пальцами руки, свободной от татуировок.

– Угу, – отозвалась я и, лишь скользнув по нему взглядом, отошла на два шага назад.

Снова полезла в сумку. Не бежать же мне отсюда. Но и здороваться с незнакомцами тоже не собираюсь. Продолжила копаться. Жаль, нельзя было все взять и вывалить на ровную поверхность. В этом болоте черт ногу сломит. Мусорка, а не сумка, честное слово.

Не подумайте, я не неряха. Вроде. Сама не представляю, как до такой жизни дошла. В общем-то, и не нарочно. Просто, как все девочки, складывала, складывала туда все возможное, пока было место. И забывала доставать.

Нормальная женская сумка. Правда, есть подозрение, что если заглянуть туда с головой, засосет все тело. Прямо сюжет для фэнтези: попаданка в мире смятого мусора, косметики и потерянных вещей. Стоило бы в ней прибраться. Да. Сразу, как найду пропуск, сдам зачет и вернусь домой. Где же он?

– Да сядь ты, я не кусаюсь, не бойся! – рассмеялся парень, стряхивая пепел в урну.

Вероятно, ему стало жаль смотреть, как я, изображая цаплю, стою на одной ноге, коленом другой поддерживая сумку и рискуя, потеряв равновесие, грохнуться. Я почти рычала, ругая собственную забывчивость, ведь карточка никак не находилась. Готова была рвать на себе волосы.

Пожалуй, можно и присесть. На другой край лавки. Так удобнее будет искать. Не съест же он меня?

Оторвалась от сумки и посмотрела на незнакомца. Бесконечные ноги в черных джинсах, сигаретный дым, плотной серой струей вырывающийся из напряженных губ и взгляд. Пронзительный, испытующий взгляд сине-зеленых глаз, смотрящий прямоком тебе в душу. С ресницами длинными, пушистыми, делающими лицо немного наивным, как у ребенка, но почему-то ужасно притягательным.

Да уж. Было в нем что-то такое, немножко растерянное, смущенное и приветливое. И на этой скамейке возле универа он уже не смотрелся таким чудиком.

А была, не была!

Делая вид, что не замечаю парня, и гордо задрав подбородок, я плюхнулась на противоположный край скамьи. Вытянула ноги, глядя, как сигнальная лента бело-красного цвета пляшет на ветру, зацепившись за ветку акации. И вдохнула легкий весенний ветерок, налетевший вдруг со стороны незнакомца и принесший с собой пряный запах его туалетной воды и что-то такое неуловимое...

Что это? Похожее на... растворитель? Лак? Хм. Будто где-то поблизости делают ремонт. Поставила сумку на колени, открыла шире и хотела повернуться полу-боком, чтобы скрыть содержимое от сидящего в метре нечаянного соседа. Шевельнулась и ощутила что-то странное.

Не поняла. Повела плечом. Еще раз. Пальто намертво прилипло к сидению. Хотя нет, не намертво. Медленно, со звуком «кх-кхх», оно отклеивалось от скамейки. Чувствуя, что шок от осознания произошедшего вот-вот сменится настоящей истерикой, я перевела взгляд на парня.

Эта сволочь тихо хохотала, прикрыв глаза. Он дрожал всем телом, силясь не заржать в голос и осыпая пеплом недокуренной сигареты собственные джинсы. В моей голове пронеслось все: сигнальная лента, оборванная и болтающаяся на дереве, запах краски, донесшийся откуда-то поблизости и это лицо напротив: растеряннo-наивное. И слова: «да сядь ты».

Покрываясь пунцовыми пятнами от злости, я произнесла:

– П-покрашено, что ли?

– Ага, – он швырнул окурок в урну и согнулся пополам от смеха.

– Зачем? – Попыталась привстать, наблюдая, как отлипают светлые ворсинки пальто, насквозь пропитанные краской. Все. Эту вещь было уже не спасти. Меня почти затрясло от злости. – На хрена ты мне сказал сесть, если знал, что она покрашена?!

Парень окинул меня оценивающим взглядом, оторвал от скамейки спину с ужасающим звуком, какой можно слышать разве что на депиляции, и улыбнулся во все тридцать два ровных зуба. Вот же наглец! Этот козел знал, что сидит на краске, что его кожанку и джинсы уже не спасти, и предложить мне сесть тоже! Просто урод! Засранец!

– Знал, конечно, – кивнул он, сдерживая смех. – А что мне здесь, одному сидеть, как дебилу?

И заржал.

– А ты и есть дебил. Нет, даже хуже! Дегенерат, блин, недоделанный!

Я так растерялась, что не знала, то ли вскочить, то ли остаться сидеть приклеенной своим новым пальто к чертовой скамейке. Или разрыдаться, как маленькой. Потому что слезы отчаяния уже подкатили, прозрачной пеленой накрыв зрачки. В горле встал ком, лишивший меня дара речи.

– Эй, не обзывайся. – Он нагнулся, заглядывая мне в лицо. Заметил дрожащую влагу в уголках глаз, нахмурился. От улыбки не осталось и следа. – Это не культурно.

Сказал растеряннo и смущенно, видимо, понимая, что я готова вот-вот расплакаться.

– К-культурно? – Сглотнула, пытаясь подобрать слова. – Да что ты знаешь о культуре, чертов обдолбыш?!

Его глаза удивленно распахнулись. Но мне уже было все равно. Опоздала на зачет, к которому усердно готовилась, не повидалась со Стасом, испортила новое пальто, на которое так долго копила! Что еще может быть хуже?! Поэтому мне совершенно было наплевать, задену ли я его чувства, обзываясь.

Вскочила, буквально вынырнув из рукавов пальто, и принялась отклеивать его от скамейки. Медленно и осторожно. Сопровождая сие действо смачными ругательствами, качеству и количеству которых позавидовали бы все работники сапожных мастерских вместе взятые.

– Все, я понял. Понял. – Парень вдруг встал, нависнув надо мной черной тенью, и зачем-то вытянул руки. – Не нужно было так шутить. Дай помогу, не ругайся, а то у меня кровь из ушей сейчас потечет.

– Убрал свои грабли, живо! – Отмахнулась я, чувствуя, как предательски трясется нижняя губа.

– Послушай, ну. Я уже понял, что поступил подло. – Он совершенно не интересовался тем, как поживает его собственная одежда. Суетливо крутился вокруг меня, боясь, видимо, разозлить еще сильнее и не решаясь помочь. – Глупо получилось, да.

– Глупо?! – Я силой рванула пальто, перевернула его, оглядывая испачканную спинку, и еще раз грязно выругалась. – Это ты называешь глупо? Чертов придурок! Ты все мозги себе, что ли, прокурил?

– Да я не...

– Посмотри, что ты наделал. Ты на хрена меня заставил сесть сюда, если сам уже вяпался?

– Ну, – он виновато посмотрел, почесывая шею, – одному не так стремно.

– Что?! – Подняла на него взгляд, бессильно сотрясая в воздухе крашеным пальто.

Парень казался искренне растерянным и смущенным. Прикусил губу, ссутулил плечи, согнулся в три погибели, все еще загадочным образом оставаясь выше меня на полторы головы.

– Я думал, это будет веселым способом познакомиться.

– Познакомиться? – Мне казалось, я вот-вот взорвусь, настолько гнев переполнял сейчас мой рассудок.

– Ну, да... – Он опустил голову с виноватым видом.

– С кем? С тобой я должна знакомиться?! Посмотри на себя!

– А что со мной не так? – Парень честно оглядел свой прикид, не забыв посмотреть и на ядовито белые кроссовки. – Вполне хорош собой, девушкам нравится. Можно сказать, красавчик.

– Красавчик? – У меня даже опустились руки. – Где красавчик? – Посмотрела по сторонам, пожалала плечами. – Ты что ли? Не смей меня.

– А что тебе не нравится? – Он выпрямился, выпячивая грудь колесом.

– Да подойди ко мне на улице такой, – показала в воздухе пальцами кавычки, – «красавчик» – я бы бежала, не оглядываясь.

– Ага, пока бы не навернулась, – усмехнулся неудачливый шутник, напоминая о небольшом конфузе, произошедшем со мной несколько минут назад.

– Ты у нас, значит, любитель поржать? Весело тебе?

– Ага.

– Тупой подкат, ясно? Не хватило ума на что-то вменяемое?

– Послушай, – осторожно начал он, взмахнув руками, – я, правда, не подумал.

Я готова была зарычать от кипевшей во мне ярости. Вывернула пальто, скрутила и бросила ему в руки.

– На, мне оно больше не пригодится. Можешь носить. С такой росписью, – указала на его татуировки, растянувшиеся от уха до груди, – на полосы краски во всю спину никто и внимания не обратит.

Поправила сумку на плече, бросила на него последний негодующий взгляд, и сорвалась с места, точно гоночный болид. Только бы свалить отсюда поскорее, закрыться в своей комнате и колотить кулаками подушку, пока не полегчает.

– Эй, куда ты? – Послышалось вдруг за спиной. Он сказал это обескуражено и, я бы даже сказала, жалобно. Видимо, ему не очень понравился тот факт, что придется идти по улице в таком виде. – Это же всего лишь... пальто!

– Что?! – Знаете, так оборачиваются в крутых боевиках. Или в старых добрых комедиях, где Марлон Уэйэнс говорил: «What did you say about my mama?!» Наклонял голову набок, плющил возмущенную физиономию и палил по злодеям из пушки. «Ба-ба-ба-бах!»

Я молниеносно преодолела расстояние обратно до обидчика и ткнула пальцем в его грудь (была бы пушка, вышло бы эффектнее). Ну и что, что невоспитанно. А насколько воспитанным было приглашать меня присесть на свежеекрашенную лавку?

– Всего лишь пальто, значит? Да?! Для тебя это, конечно, *всего лишь* пальто. А мне пришлось вкалывать, чтобы его себе купить. Целых полгода! Понятно?

Конечно, я не планировала его разжалобить. Просто хотела, чтобы этот холеный мерзавец хоть на секунду задумался, что не всем все так просто достается в этом мире.

– Ох, прости, коротыш. – Выдохнул он с сожалением. – Я же не знал.

– Кто? – Аж волосы зашевелились на голове. – Это я – коротыш? – Посмотрела на него снизу-вверх, наливаясь краской от возмущения.

– Ага, такая малышка и так прикольно злишься. – Пожал плечами парень, улыбаясь.

Кто он такой? Откуда взялся и почему считает себя вправе рассуждать о моем росте и поведении? И смотрит на меня так...свободно, открыто. Чуть наклонив голову и приподняв брови, словно потешаясь.

– А ты... ты... долговязый! – Взвизгнула я.

И снова ткнула пальцем ему в грудь. Сильно и, надеюсь, больно. Даже желтый лак с ногтя чуть не отпал. Могла бы – ввинтила бы ему этот палец прямо в мозг, будто саморез.

– Метр с кепкой. – Усмехнулся парень.

Мои глаза полезли из орбит. «Ах, вот ты как, значит!»

– Дядя Степа! – Парировала я.

Он оставался совершенно невозмутимым. И продолжал насмехаться, глядя с высоты своего роста.

– Мелочь пузатая.

– Гулливер!

– Карлик.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Верзила! – И топнула ногой.

Парень наклонился ко мне, еле сдерживая смех.

– Крошка. – Сказал это почти ласково, приблизившись к моему лицу на расстояние, показавшееся почти критическим. Меньше двадцати сантиметров от моего носа.

– Жердь! – Наверное, с таким бессилием и отчаянием гавкала бы Моська на слона.

– Все, сдаюсь. – Он рассмеялся, прижимая мое пальто к своей груди. – Я куплю тебе новое. Хорошо?

– Пошли. – Радостно указала я в сторону дороги. – Тут недалеко есть магазин.

– Не сейчас, – замаялся незнакомец.

– А что такое? – Усмехнулась я. – Мамину карточку дома забыл? Вот печалька!

– Я что, похож на маменькиного сынка? – Он вопросительно склонил голову.

– Еще как. На зажавшегося прожигателя жизни похож.

– Я? – Кажется, парень не верил моим словам.

– Да. – Я воинственно сложила руки на груди. – На ленивого, наглого и хамоватого прожигателя жизни. Вот!

– Сдурела.

– Я? Ты – сдурел!

– На себя посмотри. – Парень устало вздохнул и в который уже раз покачал головой. – Козьявка, а ругаешься, как слесарь.

– Лучше на себя посмотри. Ты попал в плен к татуировщикам? Или уснул на свежем граффити? – Я гордо задрала подбородок. – Тебе еще и придется идти сейчас по улице, как бомжу. Вон, смотри, вся задница в краске. Спина – та же фигня.

– Нормально я выгляжу. – Даже не собираясь, рассматривать свои тылы, заявил незнакомец.

– Скажи это своему отражению в зеркале. – Я закатила глаза. – Часто будешь повторять и сам поверишь. А пока у тебя такой видок... с которым в приличное место вряд ли пустят.

– Ну тебя, – почти обиженно произнес он и поджал губы.

Мне хотелось развернуться и уйти, но вперед полезла дерзость. Эта суриковская неконтролируемая дерзость размером с целую планету, которая всегда спасала в любой непонятной ситуации.

– Гони мне бабки за новое пальто!

Смело. Нагло. Почти круто. Молодец, Сурикова, просто молодец.

– Не, я уже передумал. – Прищурился незнакомец. Тоже не лыком шит, оказывается. – Скамейку не я красил, тебя тоже насильно туда не усаживал.

– Вот так, значит. Да как скажешь! – Я развернулась и припустила прочь с территории универа.

Проигрывать я не умела. А вот уходить красиво – завсегда пожалуйста.

– Вот стерва! – Сзади слышались торопливые шаги. – Куплю я тебе новое, обещаю.

– Не надо мне ничего от тебя, – брякнула, не оборачиваясь. – Вали!

– Нет, не свалю.

Остановилась, посмотрела зло и прошипела:

– Отвали, я сказала. Иди, куда шел. Не надо за мной ходить.

– А я пойду.

– Нет.

Парень подошел, бесцеремонно коснулся моего плеча и тут же, словно обжегшись, отпустил. Вот и правильно, иначе я бы эту его хваталку испепелила сейчас своим взглядом, похлеще лазера.

– Дай мне свой номер телефона. – Лучик солнца, пробившийся сквозь листву старого тополя, скользнул по его лицу, заставив забавно поморщиться и сомкнуть длинные ресницы. – Завезу тебе вечером деньги.

– Не нужно мне ничего от тебя. – Я запрыгнула на бордюр и, стараясь сохранять равновесие, пошла вперед.

– Тогда просто провожу тебя. – Раздался упрямый голос сзади.

Обернулась и покачала головой. Каланча, сверкая на солнце всеми цветами радуги, плелся за мной, улыбаясь, словно у него с головой не все в порядке. И готовый подхватить в любую секунду. Вот что за идиот? Еще и расписной. И за что мне все это?

– Полтос, – внезапно сморозила я, боясь напугать и продешевить одновременно.

– Чего? – Догнав и удивленно выставив на меня свои сине-зеленые гляделки, спросил он.

– Пятьдесят тыщ.

– Пффф. За тонкое летнее пальтишко? – Вздыхнул он. – Ну, ладно.

Согласился так быстро и легко. Даже подозрительно. Я повернулась к нему, не забыв соорудить самую обиженную физиономию. Парень продолжал идти рядом, удивительным образом умудряясь обходить все лужи и оставаться выше меня. Да уж, чтобы смотреть на него сверху-вниз, пришлось бы встать на табуретку.

– Нет, мне, правда, ничего от тебя не надо. – Сказала я уже спокойнее, почти миролюбиво. – Иди своей дорогой.

– Вот не хочется. Совсем. – Ответил он.

– Слушай, – перебежав через дорогу и запрыгнув на другой бордюр, воскликнула я, – не нужно меня преследовать, хорошо? Иди домой, переоденься. Оставь меня в покое.

– А, может, ты мне понравилась?

Сказал с усмешкой, явно издевается. Вот же гад. Я решила не достаивать его взглядом даже, несмотря на то, что было страшно любопытно посмотреть, с каким выражением лица он это сказал.

– Тебе что, раньше девушки никогда не отказывали?

– Нет. – Ответил он просто, спокойно и, кажется, даже искренне.

– Никогда?

– Никогда.

– Что за девушки тебе попадались такие? – Намеренно скривившись, рассмеялась я.

– Нормальные девушки. – Поправив очки, парень гордо встряхнул челкой. – Красивые, как на подбор.

– Значит, у них совершенно нет вкуса.

– Вовсе не обязательно говорить гадости, чтобы я отстал. – Ох, уж этот его голос с хрипотцой. – Все равно не поверю. – Он подал мне руку, чтобы помочь перепрыгнуть через лужу.

Проигнорировав ее, я лихо скакнула вперед и приземлилась аккурат с другой стороны. Вполне себе элегантно. – Горного козлика изображаешь?

Пришлось сдержаться от очередной дерзости. В таком молчании мы прошли еще несколько минут.

5

– Отстань уже от меня, а? – Произнесла я устало, свернув за угол. – Зачем ты меня преследуешь? И так весь день из-за тебя насмарку.

– Провожая.

Мне вдруг захотелось сказать ему что-нибудь, чтобы он не ушел. С ним даже молчать было уютно. Но вместо этого вырвалось:

– Джентльмен нашелся, тоже мне.

– Слушай, коротыш, остынь уже, а? Я же извинился.

– Я тебе не..

– Хочешь мороженого? – Вдруг спросил парень, взглянув на меня.

– Нет. – К голове сразу прилило столько крови, что, кажется, от малейшего движения ее могло оторвать, окатив всю улицу миллионом брызг. Я поспешила отвести взгляд.

– А что хочешь? Может, посидим где-нибудь, когда я переоденусь? А то на меня все смотрят.

– О, поверь, это даже *не из-за краски на твоей спине*. – Усмехнулась я.

– Так посидим?

Надеюсь, он не заметил, как я засветилась изнутри? Меня уже сто лет никто не приглашал куда-то посидеть.

– Ни за что!

Парень продолжил идти рядом, улыбаясь.

– Вот ведь упрямая.

– Какая уж есть.

– Да прости ты уже меня за эту шутку. Согласен, дурацкая.

– Еще какая дурацкая. – Я украдкой бросила взгляд на его руку, украшенную странными рисунками.

– Зато теперь я вижу твою фигурку без этого дурацкого пальто. Кстати, можно выброшу его в урну?

– Не знаю, зачем ты все еще тащишь его за собой.

– Тогда попрощайся с ним. – Он сунул мою любимую вещь в мусорку. Безжалостно и легко. – Давай, помаши ему ручкой!

Надеюсь, никто не слышал, как в этот момент застучало мое сердце?

– Может, еще похороны ему устроим? – Съязвила я, стискивая зубы. Все-таки очень жалко было хорошую вещь – дорогую для меня и такую стильную.

– Итак, возвращаясь к фигурке...

– Ой, не надо, прошу.

– Хорошо. У тебя классная кофта.

– Свитшот.

– Не умничай. – Он вскочил на бордюр позади меня и пошел, покачиваясь и размахивая длинными руками.

– Свитшот, – повторила я упрямо.

– Да как не назови. Я заценил его. Там у тебя музыканты из «Chromeo». Почти нормальная музыка.

– Не почти, а нормальная.

– Обожаю у них вот эту. – Чтоб мне оглохнуть, но он и впрямь затянул. – «Don't turn the lights on, cause tonight I wanna see you in the dark»¹.

---

¹ Имеется в виду композиция «Don't Turn The Lights On» исполнителя Chromeo.

И я не могла не похвалить про себя его произношение. Вот чертов гад, пожалуй, он, и впрямь, не так ужасен, каким показался сначала.

– Все, хватит, хватит. – Оборвала я его. – Сейчас на нас еще пристальнее будут пялиться. Что-то ты разошелся. Тебе домой не пора?

– Нет, я хочу узнать, где ты живешь.

– Ну, уж нет. – Я остановилась, резко обернулась и тут же впечаталась носом в ямочку меж его ключиц. – Ой...

– Прости, – он будто специально навалился на меня, обхватив руками за плечи. Воспользовался моментом, хитрюга.

Окунувшись в терпкий запах его парфюма, я невольно прикрыла веки и тут же дернулась, спеша развернуться, словно ошпаренная, только бы не встретиться с ним взглядом. Щеки моментально налились густым румянцем.

«Только не обгоняй! Только не смотри мне в лицо». Руки сами потянулись к сумке. Нащупала пачку, зажигалку, вытащила одну сигарету и прикурила на ходу. Затянулась, стараясь успокоиться и слушая шаги за спиной.

– Ого, – парень вытянул голову, будто жираф. Обогнал меня в два шага, зыркнул недовольно и как-то даже строго. – Куришь?!

– А ты чем там занимался на лавочке? Цветочки нюхал? – Я выпустила дым ему прямо в лицо и чуть не навернулась, еле сохранив в последний момент равновесие. – Разве у нас это запрещено? Или сопроводишь меня в специально отведенное для этого место?

– Значит, больше не куришь, – щурясь на весеннем солнышке и совершенно позабыв про очки, болтавшиеся над лбом, он потянул ко мне руку.

– Чт... – только и успела вскрикнуть я, глядя, как этот хам выхватывает сигарету прямо у меня изо рта и отшвыривает подальше.

– Так лучше. – Довольно улыбнулся он самому себе и покачал головой.

– Ты... кем себя возомнил?! – Ускоряя шаг и доставая следующую сигарету, возмутилась я.

– Тебе не идет.

– И что?

– При мне ты точно курить не будешь. – И следующая сигарета, задержавшись меж моих губ меньше секунды, полетела вслед за предыдущей. – И так будет каждый раз, когда ты попробуешь сделать это снова.

– Очуметь... – Выдохнула я, пытаюсь справиться с волнением. – Еще одна такая выходка, и я за себя не ручаюсь!

Этот татуированный гад поступал со мной точь-в-точь, как Пашка. Может, я реально выгляжу мелкой, словно ребенок? Что они все меня строят, учат и пытаются лепить то, что им надо? Да пошли вы все!

Достала всю пачку, но не успела открыть, как она выскочила из моих рук и полетела в урну.

– Слушай, ты достал меня уже. – Огрызнулась я, отмахнувшись от него рукой. – Вали, куда хочешь. Ты чего ко мне привязался? Лапы убери!

– Я только провожу тебя и свалю, – нахмурился он так, что весь его лоб заполнился складочками.

– Не нужно. Мы уже пришли. – Я повернула во двор и ускорила шаг, направляясь к своему подъезду.

Чеканила шаг, поднимая в воздух всю пыль с дороги. Топала, вдавливая всю свою ярость в асфальт подошвами кед. Руки, сжатые в кулаки, дрожали от негодования, а воздух со свистом вырывался из легких. Но осознав вдруг, что не слышу за спиной тяжелых шагов того, кого мне сейчас просто хотелось прибить на месте, я обернулась.

Парень стоял так близко, что я почувствовала даже запах его шампуня. Он смотрел на меня, хлопая ресницами, и вдруг поднял руку, заставив мое сердце замереть от неожиданности и волнения. Затем обхватил меня ладонью за затылок и притянул к себе. Резко, но чертовски нежно (и как у него так получилось?).

И поцеловал.

Чтоб мне провалиться прямо на этом месте!

По-це-ло-вал!

Его губы – горячие, мягкие, едва ощутимо коснулись моих. Прижались – уже требовательно, настойчиво и упрямо. А еще почему-то не встретив совершенно никакого сопротивления – я даже (ох, как ненавижу себя), кажется, немного застонала, чувствуя, как перехватывает дыхание. Прильнула к нему всем телом и позволила его языку проникнуть в мой рот, отвечая на поцелуй.

И лишь, когда его наглая рука, привыкшая, очевидно, к вседозволенности, скользнула вниз по моей спине, я оторвалась и вдруг ошеломленно захлопала глазами, будто от резкого света. Не веря в то, что сейчас произошло, не понимая вообще, *как* оно могло произойти.

Но не успела довольная ухмылка зажечься на его лице, как моя ладонь звонким шлепком опустилась на его щеку.

Бам!

Парень отшатнулся, прикрывая рукой место пощечины, горящее жаром, точно как и мои губы с такой легкостью, отвечавшие ему взаимностью пару секунд назад.

– Т-ты... – Я задыхалась от возмущения. – Т-ты!

– Скажи еще, что тебе не понравилось. – Он и не думал сдаваться. Поглаживал щеку, улыбаясь своей фирменной открытой улыбкой.

– Не приближайся! – Я отошла на шаг, вытянув вперед руку. – Еще раз повторишь подобное и... и...

Как же меня уже раздражало его поведение. Просто бесило! И эта самодовольная ухмылочка. Чтоб ему провалиться...

– Ладно. Прости. – Татуированный, похоже, опять издевался, нависая надо мной, словно девятиэтажка. – Может... Повторим как-нибудь?

Прежде чем я пришла в себя, в голове яркой вспышкой пронеслось воспоминание о странном чувстве полета, испытанном всего мгновение назад. Со мной такое было впервые. Удивительное чувство.

– Видишь вон там? – Я показала дрожащим пальцем на окно, в котором уже торчал обеспокоенный Пашка. Он стоял, тревожно наклонившись на подоконник, и шурился, пытаясь разглядеть моего спутника. – Это мой парень. Гляди, как задергался, брови нахмурил. Помаша ему ручкой.

– Не больно-то симпатичный у тебя парень. – Сказал мой спутник, бросив короткий взгляд наверх. – Хилый какой-то.

– Посильнее тебя будет. Смотри, штору задернул. Лучше тебе валить да поскорее, иначе костей не соберешь.

Он подошел близко, давая мне почувствовать его дыхание на своем лице.

– Я не бегая от ревнивых мужиков.

– Лучше тебе последовать моему совету, поверь. – Я сглотнула, еле удерживаясь, чтобы не замахнуться вновь. – Если он видел, как ты клешнем впивался в мой рот, то тебе точно хана.

– Да я могу снова все повторить даже при нем! – Ответил парень. – Тем более, что тебе понравилось.

– Мне?!

Нет, вы это слышали? Вот это самомнение!

– Ага. – В его голосе вновь послышалась насмешка.

– Ничего подобного, – я отрицательно покачала головой.
– Понра-а-авилось, по глазам вижу. – Улыбнулся он.
– Да иди ты к черту! Проваливай. – Я развернулась и припустила к подъезду. – Больной.
– Эй, стой. Я же не знаю, как тебя зовут!
– И что? – Остановившись у дверей, я глянула на него пренебрежительно и безразлично. –
Зачем тебе это?
– Вдруг захочу поцеловать тебя еще раз?
– Да ни за что на свете!
Парень почесал крылатую птицу, набитую на шее.
– Это мы еще посмотрим.
– Слушай, ты, мистер самонадеянность. – Я вздернула подбородок. – Я мечтаю больше тебя никогда не увидеть, понял?
– Что-то мне подсказывает, что все получится с точностью до наоборот. – Он улыбнулся так, словно ничего необычного только что не произошло между нами. Так, словно мы были знакомы миллион лет и каждый день прощались вот так, у этого подъезда.
– Обойдешься.
– Спорим? – Ловким движением парень спустил очки на глаза.
– Чего?
– Спорим, я буду тебя целовать и еще не раз?
Сегодня определенно странный день. Я с вызовом сложила руки на груди.
– Аха-ха! Никогда!
Его не смутил мой отказ. Наоборот – улыбка растянулась в дерзкую язвительную усмешку.
– О втором поцелуе ты попросишь меня сама. – Он достал сигарету, прикурил от зажигалки и выдохнул несколько колечек в сторону от меня. – Как тебе?
– Иди-ка ты подальше. – Я нервно закусил губу. – Вон, дуй отсюда, катись колбаской. Его самоуверенность сбивала с толку, заставляла меня волноваться еще сильнее.
– Если я, конечно, не сдержусь, то поцелую тебя сам. – Хмыкнул парень.
И я рассмеялась, будто услышала самую смешную шутку в своей жизни. Нарочито и, как мне самой показалось, вполне эффектно.
– Размечтался! – Пропела, стараясь сохранить лицо.
Мне начинали нравиться его целеустремленность и упрямство. Только вот и я крепкий орешек – не по зубам такому, как он.
– Но придет день, когда ты сама будешь просить поцеловать тебя. Спорим?
– Я? – Оглядела его с ног до головы. Презрительно и брезгливо. – Никогда!
– Тогда спорим? – Насмешливо и с вызовом посмотрел он на меня, вытягивая руку.
– Нет.
Я слотнула.
– Спорим? – Не отставал парень.
– А черт с тобой! – Я-то в себе уверена. – Давай!
Мгновение, и наши ладони сплелись в крепком рукопожатии: мои маленькие и хрупкие, и его – горячие и сильные.
– Если ты проиграешь... – Он посмотрел загадочно, привычно забираясь своими глазами в самую душу. – *А ты проиграешь.* Короче, если ты проиграешь, я собственными руками набью тебе тату.
– Что?
– Да. Какую захочу, и где захочу. На мое усмотрение.
– Да пожалуйста. – Решив идти до конца, пожала плечами я. – Тебе все равно не светит. А я что получу?

– Ну, если ты будешь стойко держаться до самой старости, то перед смертью сможешь сказать, что выиграла.

– Пф... Какой дурацкий спор.

– Но ты проиграешь гораздо быстрее.

– Ты всегда такой самоуверенный? – Нахмурилась я.

– Абсолютно. – Хмыкнул парень.

– Тем приятнее будет тебя обломать!

– Не выйдет. – Засиял ярче новогодней елки. – Ты на меня запала. По глазам вижу.

– Конченный псих. – Отмахнулась я, открывая дверь.

Мои щеки терзал румянец.

– Пока, лилипут!

– Пока, дылда!

– Мой полурослик....

У меня даже дыхание перехватило. «Мой...» Это было сказано так смело и... многообещающе.

– Каланча! – Не растерялась я.

– Клопик мой диванный...

– Вот дубина!

– Я запомнил, где ты живешь.

– Катись уже! – Бросила я и скрылась в подъезде.

Ужасно хотелось добежать до окошка между первым и вторым этажом и посмотреть, как он удаляется вдаль по дороге, мелькая бело-черной полосатой спиной. Но громкие шаги на лестнице заставили меня вернуться к реальности. Похоже, это было тем самым, чего я так сильно боялась.

Пашка вывернул из-за угла и торопливо засеменял по ступенькам вниз в одних пижамных брюках и старых тапках. С голым торсом и всклокоченными после сна волосами. Несся напролом, грозя смести все на своем пути. Даже меня в темноте тамбура заметил не сразу.

Я преградила ему путь, крепко обхватив за руки.

– Ну-ка,пусти меня! – Он резко выдернул свои запястья из моих ладоней.

– Пашка, нет. Паша! – Поняв, что брат завелся сильнее положенного, я запрыгнула на него, обвив сразу руками и ногами, и уткнулась носом в шею.

Он остановился, пытаясь освободиться, но мои объятия были крепче, чем у ленивца, обхватившего дерево. Брат замер, тяжело дыша. Его руки встрепенились, замерли в воздухе и обреченно опустились на мою спину.

– Тебе придется объяснить, что это за размалеванный урка стоял с тобой возле подъезда. И почему он посмел распускать свои клешни.

– Хорошо. Только пойдем домой?

– И еще, почему ты не даешь мне похоронить его прямо сейчас.

– Хорошо, – я спустилась и подтолкнула его по направлению к лифту. – Только дома, ладно?

– Угу, – проворчал Пашка, недовольно поджимая упрямые губы, что были точной копией моих собственных.

Я вплела свои пальцы в его и осторожно сжала руку брата – грубую, сухую, все еще боясь, что он может передумать и рвануть к выходу. Все эта его чертова вспыльчивость была виновата. Именно из-за нее я так и не решилась тогда рассказывать Пашке про себя и Костыля.

6

Нет, ну как такое рассказывать? Не каждая даже лучшей подруге доверит это – и все из-за стыда, от которого не получится отмыться до конца жизни. А тут брат. Мальчишка. Юноша. Теперь уже мужчина – вспыльчивый, горячий, взрывоопасный.

Пожаловаться ему, чтобы он что? Налетел на Костыля, разбил его чертову тупую башку об асфальт и потом сел на долгие, черт знает сколько, лет в тюрьгу? Спасибо, у Пашки и так уже был прецедент – спустил мамино ухажера с лестницы. Бедняга побежал с гематомами и порванным ухом писать заявление, и мама чуть не поседела, переживая всю эту канитель с судом и разбирательствами. Хорошо хоть, разошлись с миром: оплатили пострадавшему ущерб, причиненный здоровью, и дело замяли.

Не знаю, когда произошел перелом в наших с братом отношениях, но однажды я перестала рассказывать ему про свою жизнь. Пашка не знает, что я (веселая, заводная и вполне коммуникабельная) почти ни с кем не общаюсь на новом месте учебы. Даже не подозревает об этом. И я никогда не говорила ему. К чему брату лишние тревоги?

Их с мамой отношения стали натянутыми после того, как она решила проявить к отцу милосердие. Стала ухаживать, прибираться у него дома, помогать деньгами. А Пашка наотрез отказался понимать ее, не мог простить предательства и той боли, которую папа причинил всем нам, бросив восемь лет назад.

Брат тогда повзрослел буквально в считанные дни: принял на себя ответственность, став настоящим главой семьи. Поставил цель – не дать матери замкнуться в себе, и шел к ней. Поддерживал. А теперь она поступала вот так. Неудивительно, что Суриков взбунтовался: он не был готов прощать подобное. Даже родному отцу. Пашка стал раздражительным, вспыльчивым, закипал из-за любой мелочи и делал буквально все ей назло.

Что я могла сказать ему про Костыля? Ничего. Его даже обвинить было не в чем. Я ведь совершеннолетняя – переспала с ним по собственному желанию. Сопротивления не оказывала, и, вообще, вся эта история сначала больше походила на сказку.

Началось все прошлым летом. Солнце, жара, каникулы. Я только устроилась в кафе и сидела в перерыве, изучая траектории движения солнечных зайчиков на полу и лениво листая ленту в соцсетях в смартфоне. И тут посыпались лайки на мои фотографии, один за другим, взрывая дикими трелями бедный потрепанный аппарат. Я чуть бургером не подавилась, когда увидела, от кого они прилетели.

Сам Костыль! Или Игорь, как называли его родители. Игорь Рублев. Тот самый, который и здоровался то со мной через раз. А, в общем-то, зачем ему здороваться? Было бы с кем. Так, головой кивнет, и на том спасибо. У них же своя компания: он, Макс «Лысый» Данилов, Денис Широких, Танька, Диана – две задаваки и королева всея универа – Вика Старыгина. О том, с каким щенячьим восторгом все парни группы таскались за ней, можно говорить долго, но я не стану. Как-нибудь уж потом.

Лайки, смайлики, сердечки. Десятками. И каково же было мое удивление, когда за ними пришло сообщение. Да, банальное «привет, как дела?». Но с него началось наше общение. Игорь страдал дома от одиночества. Валялся со сломанной ногой, изредка выбираясь куда-то на костылях, поэтому времени для общения со мной у него было навалом. И мы начали переписываться. Днем и ночью, круглыми сутками.

Всякий раз, получая на рассвете сообщение с пожеланием доброго утра, я чувствовала, как кружится голова от счастья. Замирала с блаженной улыбкой на лице, когда он осыпал меня комплиментами, когда говорил, что соскучился и интересовался моим здоровьем. Удивительно, но этот парень понимал меня во всем.

Совпадали наши взгляды на кино, музыку, наши пристрастия в еде. Гоша (как я стала звать его ласково) всегда находил нужные слова, чтобы поднять мне настроение, терпел мои капризы и словно по щелчку пальцев мог успокоить, если нервничала.

В первый раз в жизни я открылась кому-то настолько сильно. Впервые была искренней, рассказывала о себе, о жизни, о проблемах в семье. И ему, казалось, было интересно. Вскоре мы начали созваниваться: могли часами висеть на телефоне или болтать в видео-чате – сначала во время таких звонков я прятала лицо за распущенными волосами, стесняясь его взгляда, но вскоре доверилась, привыкла и уже принимала, как своего. Даже на экране компьютера он казался мне самым красивым, добрым и милым. После каждой такой беседы сердце колотилось, как бешеное, отдаваясь в ушах одной лишь мыслью – «мое».

Он – именно тот, кто мне нужен. Тот, от кого перехватывает дух. Тот, кого хочется пустить себе в душу, с кем хочется делить и горе, и радость. Именно Игорь. И я была счастливее всех на свете. Светилась ярче солнца и не могла думать ни о чем другом.

Через месяц активной переписки прибежала к нему домой. А куда же еще? Его и ходячим-то с трудом можно было назвать. Мы пили чай, смотрели телевизор, разговаривали, преодолевая просто бешеное смущение, и все время хохотали, как ненормальные. На следующий день я пришла снова, чтобы вывести Игоря на прогулку. Потом еще и еще. День за днем. Так наши встречи стали постоянными, а общение переросло в нечто большее. Касания, поцелуи, признания....

Я не могла дождаться того дня, когда приду в универ. Да, может, мне и хотелось, чтобы меня приняли в их компанию, как свою. А может, я мечтала, чтобы меня просто заметили, но романтические отношения с самым популярным мальчиком группы наверняка вызвали бы эффект разорвавшейся бомбы. Наше счастье перестало бы быть тихим, но оставалось бы нашим. Моим и его.

Реальность оказалась жестче, чем я представляла.

То, что не было никаких *нас*, я поняла уже в первый день. Пришла, села, как обычно, на последний ряд и с замиранием сердца ждала. Вот Игорь придет, обнимет, поведет за собой. Но он ворвался в аудиторию с привычным задором, не удостоив меня даже взглядом, и сразу направился к своим. Ни поцелуя, ни приветствия, ни даже кивка головы. Ноль. Ничего.

Целый день они громко обсуждали каникулы. Игорь красовался, размахивая костылями, хвастался тем, что уже может ходить, почти не прихрамывая. Открыто клеился к Старыгиной и даже не смотрел в мою сторону. Ни разу.

Помню, как бежала, глотая слезы, к его дому. Как долго ждала возле подъезда под дождем, чтобы объясниться. Как он удивился и... нахмурился, увидев меня, и как спрятал глаза.

– Да ничего ведь не случилось, – шептал он, открывая ключом дверь и толкая меня внутрь, – идем.

И я вошла. Костыль притянул меня к себе, дыша неровно, прерывисто. Гладил сильными руками. Торопливо, настойчиво. И меня била дрожь, лишая дыхания и рассудка, наваливаясь всей тяжестью мира на хрупкие плечи.

– Эй, все нормально, – прошептал он, скользя руками по моей спине.

И я знала, что нормально уже не будет, но не могла пошевелиться. Словно проваливаясь в бездну, глядела куда-то мимо него сквозь пелену из слез, застилавших глаза. И молчала. Снова и снова глотая слова, которые тугим комом застревали в горле. Слова, которые я собиралась сказать, но так и не сказала. По крайней мере, вслух.

– Маша, Маша, – повторял он, будто заезженная пластинка.

А его руки в это время метались по моему телу, как в бреду. Меня тошнило от запаха мятной жвачки, от мокрого языка по-хозяйски орудовавшего у меня во рту, от его губ, солоноватых на привкус. Но я не сопротивлялась. Послушно легла, позволяя первому в моей жизни

мужчине снять с меня свитер, отодвинуть в сторону и приспустить лямки бюстгалтера. Позволяя ему любоваться увиденными глазами, темными от вожделения. Трогать потными ладонями, мять пальцами и целовать.

Я чувствовала его дыхание на своей коже, но не могла даже двинуться. А потом он опустился ниже, одним движением сдирая с меня белье, и быстро навалился сверху. Впивая губы в мой рот, оставляя свою слюну на горящих щеках и шее. И разрывая меня изнутри тягучим горячим пламенем.

Ничего не случилось. Ничего не случилось.

«Все нормально. Нормально» – повторяла я себе, пока он вдавливал меня в матрас. Забывая, как дышать, как видеть, как жить. Глядя в потолок и просто принимая происходящее. Я могла отказаться, могла оттолкнуть, но не сделала этого. А потом все закончилось. Все.

Игорь откатился и плюхнулся на подушку мокрым от пота затылком.

– Хорош! Вот это да! – Похвалил он сам себя.

Я встала, не глядя в его сторону, натянула дрожащими руками одежду и ушла.

Вероятно, он что-то говорил мне. Не помню. Не слышала. Плелась домой в каком-то тумане. В полной тишине. В мире, в котором была отныне только я.

В день, когда я почти умерла.

Больше не было никаких звонков, сообщений, встреч и даже взглядов. Ничего. Только перешептывания и тихое хихиканье всякий раз, когда я входила в аудиторию. Но и они быстро сошли на «нет».

Все забывается. Почти все.

До сих пор не могу объяснить даже самой себе, почему так случилось. Шок? Растерянность? Неверие в то, что моя сказка могла так глупо оборваться на самом интересном месте и превратиться в пыль? Не знаю.

Сначала я все ждала, когда же Игорь, наконец, скажет, что был не прав. Что запутался. Ждала даже, когда уже понимала, что все зашло слишком далеко, и это не то, чего я хотела и как себе представляла. Верила и надеялась, даже теряя почву под ногами. Готова была цепляться за эту последнюю ниточку до последнего. И только встав с его кровати, поняла, что это все. Конец.

Ничего ведь и не было. *Я все придумала себе сама.* Так хотела верить в любовь, что увидела ее там, где на нее не было даже намека. Интерес, похоть, игра – все, что угодно, только не настоящие чувства. Глупая маленькая Маша...

Какой же жалкой я себя чувствовала, сидя под душем и пытаясь оттереть с кожи следы его прикосновений. Терла, терла мочалкой чуть не до мяса и все говорила про себя: тупая доступная шлюха, вот ты кто. Тупая и доступная. Тогда мне казалось, что если повторить это раз двести, то станет легче. Но легче, конечно, не становилось. Только росла ненависть к себе, множился стыд и желание закрыться ото всех.

Открыто меня не задирали, но вдруг появившиеся загадочные улыбки на лицах парней – это я заметила, конечно, сразу. Такое трудно игнорировать. Никто не тыкал пальцем, даже не называли больше сурикатом какое-то время, а через пару месяцев и вовсе забыли. А я...

Я делала лицо кирпичом. И жила.

Старалась отвлекаться, чтобы не утонуть в депрессии, но пускать кого-то в свой мир точно больше не собиралась. Даже брата. Вряд ли ему понравилась бы новость, что его сестрой воспользовались, как дешевой потаскушкой, а потом вышвырнули вон. Он был бы взбешен. И разочаровался бы во мне.

Наверное.

Вероятнее всего.

Нам всегда говорили, что мы похожи. Иначе и быть не могло. Но я не соглашалась. У меня светло-коричневые глаза, у него – серые. Я – щуплая, он – поджарый и сильный. Я мягче, бледнее, обычнее, проще. Пашка – всегда впереди и всегда уверен в себе.

Все, что у нас было общего – копна мягких каштановых волос и прямой длинный нос. Папин.

Я не пою в душе, не бренчу на гитаре до утра, не лезу на сноуборд и не собираюсь к тридцати годам покорить Эверест. Я, вообще, всегда избегаю конфликтов, если их можно избежать. А еще всего нового. А Пашке хочется попробовать весь мир на вкус. Противопоставить себя ему, бросить вызов. И иногда мне кажется, что я – единственное, что держит его на месте. Если бы он мог сбросить этот балласт или передать кому-то другому, то давно бы сделал.

А пока мне нравилось жить в его тени. Там было тепло и уютно. Его друзья, его компания, его интересы. И я – маленький багаж Сурикова старшего. Чемоданчик, который при желании можно взять с собой, ведь у него не имелось других хозяев.

Хорошо, что у меня была отдушина – кафе. Его не коснулось проклятие универа: сошлась со всеми на удивление быстро, общалась, смеялась каждую смену и получила репутацию человека душевного. Иначе точно бы пропала.

7

– Какого черта ты не на зачете? – Пашка сбросил тапки и направился к окну. – И почему за тобой таскается какой-то упырь, покрытый кучерявыми глистами с ног до головы?

– Паш, – шаркающей походкой, делая вид, что мне совсем не интересно, я подошла ближе. – Ты так говоришь, будто у тебя самого татуировок нет.

Посмотрела вниз. Незнакомца уже и след простыл.

– Одно дело надписюшка какая-нибудь, – Суриков почесал себе грудь, – или череп крутой, – указал на предплечье. – А тут, хрен знает: мне показалось, что он вообще весь сине-зеленый.

– Показалось – крестись! – Я направились на кухню. – Или найди свои очки.

– Они стремные, – все еще рассматривая двор из-за шторки, буркнул братец.

– Тогда купи нормальные, достал! Меньше надо было в компьютерные игры лупиться, не испортил бы зрение.

– Ты тему-то не переводи. – Паша появился на кухне тихо, будто шел за мной на цыпочках. – Что за ходячая нательная живопись с тобой была?

– Суриков, вот только не надо учить меня жить, ладно?! – Я вымыла руки, поставила чайник на огонь и достала колбасу из холодильника.

– Марья, ты что, последние мозги растеряла?

– Нет.

– Тогда не думай, что я буду спокойно смотреть, как ты шатаешься по улице непонятно с кем. – Пашка достал хлеб, положил на стол, сел и уставился на меня. – Кто он?

Устало выдохнув, я почувствовала, что эмоции, испытанные несколько минут назад и не думают отпускать меня.

– Разве это важно?

– Для меня – очень. – Брат упрямо продолжал скользить взглядом по моим пылающим щекам и губам, сохранившим вкус поцелуя незнакомца.

– Не скажу. – Взяла нож, начала нарезать колбасу.

– Тогда мне самому придется в следующий раз пойти и спросить у него.

Я прекратила свое занятие и отложила разделочную доску в сторону.

– Паш, да не води ты себя так. Мне что, ни с кем уже и по улице нельзя пройти?

– Просто пройти можно. – Брат выгнул брови в точности, как я. – Я, может, и подследоват, но видел, как он тянул к тебе свои щупальца.

– Ничего и не тянул.

– Тянул.

– Не было ничего такого. И вообще, ты его не знаешь.

– А ты знаешь?

– Хм. – Чтобы спрятать глаза, мне пришлось вернуться к нарезанию бутербродов. – Павлик, тебе нужно быть спокойнее. Никто не собирался причинить мне вреда. И вообще – ты мне не отец.

– Согласен. – Усмехнулся брат. – А где твой отец?

Я закусил губу. Подлый Крысь, мурча самым наглым образом, терся о мои ноги. Отрезала ему самый краешек колбаски и скинула со стола.

– Чай будешь? – Обратилась к брату.

– Конечно. – Смягчился Пашка. – Я же только что продрал глаза. Жрать охота, жуть.

Молча сделала бутерброды. Брату, как обычно – с колбасой толщиной с мой кулак, себе – так, чтоб просвечивало. Разлила чай по чашкам, положила в них по дольке лимона. Прежде

чем сесть, запустила руку в карман джинсов и выудила оттуда... Чтобы вы думали? Чертов пропуск! Тысячу татуированных чертей! Надо же было так опростоволоситься.

В голове вихрем пронеслись мысли о череде случайностей. Будильник, автобус, пропуск, скамейка. Многих звеньев этой цепи, в частности нескольких знаменательных событий – я тронула свои губы, могло и не произойти сегодня. Может, так и было задумано?

– Чего глаза выпучила?

Я так погрузилась в свои мысли, что голос Пашки заставил меня подскочить на стуле.

– Так. Ничего.

– Говори уже.

– Да не попала сегодня на зачет из-за пропуска. Не могла найти. А он все это время лежал в кармане джинсов.

– Не нравится мне. – Заметил он, глядя, как я краснею, превращаясь в помидор.

– Что?

– То, какой счастливой ты выглядишь.

– Разве? – У меня больше не получалось даже контролировать свое дыхание.

– Ага. Давно тебя такой не видел. – Суриков шумно отхлебнул из своей чашки.

– Тебе показалось.

– Что, даже не расскажешь мне, кто твой провожатый? – Посмотрел он мне в глаза и улыбнулся. Первый раз за день, еще и как-то по-доброму. – Раз уж ты даже не бесишься, что тебе придется пересдавать зачет.

– Нет. Не расскажу.

– Как его зовут? – Голос брата стал таким нежным, таким душевным, аж подозрительно.

– Не знаю, – ответила я, не подумав.

И тут же заметила, как гигантский астероид рождается во взгляде Сурикова, чтобы прорваться через атмосферу и обрушиться на мою бедную голову. Даже жевать бутерброд перестала.

Пашка молчал. Долго сверлил меня взглядом, сжимая и разжимая кулаки, наконец, выдохнул и сказал:

– Хорошо, не говори. Не маленькая девочка.

– Спасибо, – чувствуя облегчение, прошептала я.

– Но если он посмеет тебя обидеть...

– Знаю-знаю! – Отмахнулась от брата, как от назойливой мухи.

– Вот так-то лучше. – Не сводя с меня испытующего взгляда, кивнул он и вцепился зубами в бутерброд.

Черт с ним, с пальто. Мысли металась между преподавателем, встреча с которым так и не состоялась, и странным парнем, который так подло подшутил надо мной. Суждено ли с ним еще увидеться? И хочу ли я этого?

Кто он, вообще, такой? Откуда взялся?

– Ты точно витаешь в облаках, – заметил Пашка, кидая очередной кусок колбасы коту.

– Вот и нет, – ответила я, все еще ощущая гнев, перемешавшийся с интересом и удивлением от недавно произошедшего.

Молчание, прерываемое лишь редким чавканьем брата-поросенка, затягивалось.

– Точно тебе говорю, – он вдруг начал трясти головой, словно решил сложный ребус.

– Отвали уже, – проворчала я.

Встала, забрала обе чашки и принялась мыть.

Пашка поднялся, не удосужившись даже убрать за собой крошки со стола, и вышел из кухни. Из его комнаты тут же послышались звуки гитарного перебора.

– Заходил вчера к вам в кафе. – Окликнул он меня, когда я проходила мимо его комнаты.

– И? – Войдя, я устало плюхнулась на его кровать – прямо в одежде. – Опять хотел на Солнцеву посмотреть?

– Ага.

– И как?

Пашка мечтательно закатил глаза.

– Нормально так...

– Ох, Суриков, она тебе не по зубам. Точно тебе говорю.

– Чего это?

– Ну... Ей мужчины нравятся, понимаешь? Такие чтоб мужчины-мужчины! – Я напрягла бицепсы, изображая кого-то вроде Халка или Шварца. – Чтоб сила, борода православная и чесночный дух на полкилометра!

– Пф! – Павлик весь надулся, насупил брови. – Да я ее заполучу на раз-два. Спорим?

– Ой, нет. Хватит мне споров на сегодня! – Я заложила руки за голову. – Солнцевой я сказала то же самое. Что без таких ухажеров, как мой брат, она точно обойдется.

– Почему это? – Он казался оскорбленным.

– Да на фига ей такой лоботряс, как ты?

– Ладно-ладно, Марья, – прищурился брательник, – земля круглая!

– Тебе не светит. У Солнцевой все равно со вчерашнего дня обет безбрачия действует.

– Чего? – Скорчил он удивленную гримасу.

– Да. Сказала, что садится на кефирно-огурцовую диету и отказывается от мужчин.

– Почему?

– Потому что у нее жопа целлюлитными слезами плачет. Вот почему!

– Ох, женщины. – Продолжая перебирать струны, закатил глаза Пашка. – Нормальная у нее задница. Аппетитная. А мужчинам-то за что бойкот?

– Несчастливая любовь.

– Скажешь по секрету?

– Не-а. – Я встала, схватила со стола конфету и отправила в рот, затем направилась к двери, напевая. – «Мои стихи, твоя гитара. Мы отличная па-ра...»

– Э-э-э! – Суриков скривил лицо. – Ты обещала не изводить меня попсой!

– А чем лучше твое доисторическое старье? Джордж Бенсон, Орlando Джонсон, или кто там еще из эпохи динозавров?

– Есть кое-что из современного в том же стиле. – Брат нажал на кнопку стерео-системы, и в комнату тут же ворвались первые звуки «BrunoMars – 24k magic».

Пашка стал пританцовывать, смеясь надо мной, и я не удержалась – тоже пустилась с ним в пляс. Он чертил носом вертикаль и отбивал ритм ладошками, а я двигала плечами и щелкала пальцами: нам с детства нравилось так дуреть вместе. Единственное, что изменилось с тех пор – мы теперь не скакали на кровати на пару, доводя маму до бешенства.

– Пришел вчера с занятий... – начал он, когда песня закончилась.

– О-о, ты опять ходишь на занятия! – Рассмеялась я, поправляя прическу. – Каких богов благодарить?

– Представь себе, да. – Суриков выключил музыку и принялся заправлять постель. Ну, как заправлять: просто расстелил поверх скомканного одеяла лоскутное покрывало и сел. – Захожу домой, а на кухне мама со Стасиком мило воркуют, чай пьют. Видимо, он пришел пораньше, а тебя еще не было дома.

– Вот как... – Теперь мне захотелось остаться и узнать подробнее.

В груди неприятно заскребло.

– Я сначала напрягся, приревновал вроде как, а потом пораскинул мозгами и даже порадовался. Хороший он мужик, серьезный, этот Станислав Как-его-там-по-бадьке. Сошлись бы

они с ней, так маман перестала бы таскаться к этому алкоголику, подачки носить, да благотворительностью заниматься. Так ведь?

– Э...

Неловкая пауза.

Я даже забыла, как ворочать языком, чтобы получалось хотя бы что-нибудь членораздельное. В таком контексте я о своем Стасике даже и не думала. И эта мысль, озвученная вдруг братом, и эти сведения о милых чайных посиделках с мамой не вызвали во мне почему-то ничего, кроме резкого неприятия. Надеюсь, ему всего лишь показалось.

А если нет?

Закрыв рот, я уставилась себе под ноги. Странное чувство. Будто тебя обманули, но ты не имеешь даже права так думать, кого-то обвинять или предъявлять претензии. Потому что ты, в общем-то, никто. Просто девчонка, которая опять заигралась со своими мечтами.

– Ты чего? – Брательник толкнул меня в плечо.

– Ничего, – словно во сне, отозвалась я.

8

Нарисовала птицу. Огромную такую, на целый лист с обратной стороны тетрадки. Почему-то захотелось раскрасить каждое перышко цветными чернилами. Чтобы она вдруг ожила, взмахнув крыльями, и освободилась от бумажных оков.

Улыбнулась сама себе, доставая набор ручек. Затемнила каждое перышко на конце, выделила мощные когти глянцевым черным с помощью гелиевых чернил и принялась старательно заштриховывать клюв.

Аудитория постепенно просыпалась. Тут и там пробегали взволнованные шепотки тех, кто уже закончил работу над переводом. Я справилась еще минут двадцать назад, поэтому спокойно могла развлекаться рисованием, ожидая окончания отведенного на самостоятельную работу времени.

– Маш, – обернулась ко мне Галя.

Я подняла глаза на преподавателя. Серафима Андреевна изучала что-то особенно интересное в своем смартфоне, не забывая при этом широко улыбаться экрану. До нас ей не было совершенно никакого дела.

– А? – ответила я шепотом, переводя взгляд на одногруппницу.

Галя не была ботаником в привычном понимании этого слова. Из обязательного набора только очки с толстыми стеклами, густая коса и некоторое стремление к знаниям. В остальном: думаю, дай ей волю, она бы плюнула на учебу и хорошенько зажгла, только не с кем было.

Единственной ее подружкой была Наташа – зубрила от бога. Та и косой была богаче, и гранит науки грызла особенно старательно. И не было Наташе дела ни до мальчиков, ни до развлечений: она упорно шла к своей цели – не разочаровать родителей. Ни в коем случае и никогда. И увидев однажды ее матушку, которая являлась полной копией дочери, только постаревшей и смотавшей длинную косу в плотный тугой калачик на затылке, я могла с уверенностью сказать: да, я бы тоже не осмелилась перечить такой родительнице. Ни за что.

Так вот, Наташа почти никогда не разговаривала ни о чем, кроме учебы. И Галя не смела даже пытаться завести разговор с подругой о посторонних вещах, чтобы не схлопотать ненароком осуждающей отповеди. Ведь она прилипла к ней, как гриб-паразит, гриб, который, сам того не подозревая, должен был дотянуть на своих плечах Галину до самого выпуска. Эдакое взаимовыгодное сотрудничество, слегка походившее на дружбу.

Со мной же Галя поддерживала некое подобие приятельства, изредка перекидываясь парой фраз: потому что Наташа имела свойство иногда прихворнуть, как любой живой человек. А сверяться ответами на тесты и решенными домашними заданиями с кем-то было нужно – в этом смысле я вполне годилась на Наташе-заменитель.

– Сделала, что ли, уже? – спросила Галочка, выглядывая из-за толстых линз.

Она имела в виду мою работу, конечно же. На птицу с яркими перьями она даже не смотрела.

– Да. – Просто ответила я, указывая взглядом на листок с подписанной в углу фамилией.

– Вот там, в конце... – замялась Галя, поправляя воротничок вязаной кофты.

– Посмотри, – убедившись, что Серафима по-прежнему занята, я толкнула к ней лист.

А что? Мне не жалко. Слово в слово все равно не сдерет. Что-то у Наташки возьмет, что-то у меня. Рерайтинг, он такой рерайтинг. Зато набьет руку и сможет потом трудиться в этой области.

Галка отвернулась, с жадностью хищника впиваясь в текст моей работы.

– Новенький, ага. – Раздался вдруг шепот с правого края.

Это была Диана. Мне пришлось оторваться от рисования, чтобы посмотреть на девушку. Розовые ногти, розовые пряди в волосах, малиновая кофточка под пиджаком – вылитая барби.

Она рассказывала что-то подругам и активно жестикулировала. Настолько потерять страх, чтобы что-то обсуждать вполголоса при учителе, заставить ее могло только событие чрезвычайно интересное и важное – очевидно, новая сплетня.

Диана перегнулась назад через парту, передавая смартфон девчонкам. Волна шепота тут же разнеслась от них по всему кабинету. Увиденное на экране вызывало у них оживление и почти дикий восторг. Вероятно, это было фото: даже со всего места я могла видеть яркое пятно на снимке. Обычно заставить их так радоваться, почти дрожа в исступлении, могла очередная гаденькая новость про кого-то из наших.

– Смотри, – Танька тронула Вику за плечо и сунула ей под нос мобильник.

Королева красоты все-таки снизошла до того, чтобы взглянуть мельком на изображение. Ни одна черточка не дрогнула на ее лице, словно бы там был черный квадрат Малевича, а не то, что заставляло всех остальных девочек ерзать на стульях и закатывать глаза от восторга.

– Ну... – пробормотала она, пожав плечами, – ничего особенного.

Ш-ш-ш. Улей словно вскипел.

– Как?! – со всех сторон.

– С ума сошла? – Вытаращила глаза Диана, подсакивая на стуле, будто ей мешало спокойно сидеть здоровенное шило.

– Краса-а-авчик! – Роняя слюни на экран, подхватила Танька.

Она уже, наверное, раз триста успела глянуть туда и даже зажевала клок рыжих волос, чтоб не застонать от восторга.

– Что там? – оторвался от работы Денис.

Устало оглядел компанию стрекочущих в припадке восхищения чем-то необычным девчонок.

– Новенький. Новенький! – Дружно зажужжали те.

– Дай. – Протянул он руку.

Взглянул на фото и громко хмыкнул. Девушки оживленно закивали. Да-да, этим они еще раз подтверждали важность того, что было на экране.

Денис бросил короткий взгляд на преподавателя и затем наклонился к ним. Шепнул что-то, заставившее подруг по очереди подпрыгнуть, создав волну, как на футбольном стадионе. Вся аудитория оживилась: и те, кто доделал работу, и те, кто еще не закончил – отвлеклись все. Звездам опять удалось захватить всеобщее внимание.

– Вот сами спросите, – добавил Денис.

– Игорь! Игорь! – Девушки принялись по очереди звать Костыля.

Они с Максом сидели возле окна, увлеченные какой-то новой игрой в мобильнике.

– А? – Наконец, обернулся он.

– Ш-ш-ш-ш, – зашумел девичий муравейник.

Костыль дернул головой, ясно давая понять, что ничего не услышал.

– Шшшш, – раздалось в ответ.

Террариум, блин. Я опустила глаза в тетрадку. Не хватало еще встретиться взглядами с этим придурком.

– Да? Да? Да? – десяток пар глаз уставился на Костыля.

– Да-а. – Усмехнувшись, произнес он и наклонился на спинку стула.

– Вот это да! – воскликнула Танька, тут же прикрыв рот ладонью.

Вике словно бы и не было дела до всего этого обсуждения. Она спокойно дописывала свою работу. Не отвлекаясь, не прыгая на стуле, как остальные девочки, и даже ни разу не взглянув в сторону Игоря. Ей вообще было свойственно такое поведение. Будто ничто в этом мире не достойно ее внимания – есть она, ее свита, а все остальные лишь презренные существа.

– И вы прям рядом живете, да?

– Угу, – кидая в рот мятную пластинку, ответил Игорь.

– Соседи-соседи? – снова вклинилась Диана.

«Ты что тупая?» – мне хотелось спросить ее об этом каждый раз, когда она начинала кого-то переспрашивать о чем-то.

– Да.

– Правда-правда?

– Да-а, – буркнул он, отворачиваясь.

Ну, надо же. Кажется, зацепило и Костыля. Ему всегда нравилось внимание только к собственной персоне. А тут девочки явно были заинтересованы кем-то другим. Непорядок.

– Спасибо, – возвращая мне листок, шепнула Галя. Отвернулась и тут же повернулась обратно. – Маш?

– А?

– Ты его уже видела?

– Кого?

– Новенького.

– Нет. – Пожав плечами, я вернулась к рисунку. – А у нас будет новенький?

– Я его видела сейчас у деканата. – В глазах Галочки зажглись безумные огоньки.

Ого, похоже, всеобщая лихорадка передается воздушно-капельным путем.

– И? – Спокойно поинтересовалась я, поднимая глаза.

– Он. Просто. Улет! – Теперь она выглядела необычайно взволнованной. – Ты такого чуда еще никогда не видела, это я тебе точно говорю.

– Не может быть, – ответила я безразлично.

– Диана даже щелкнула его на свой телефон, не постеснялась.

– Ясно.

Я кивнула головой и полезла в сумку за карандашом. Какой мне толк с этого новенького? Ну, больше на одного человека в аудитории. И что? Ни холодно, не жарко. Все равно я здесь останусь одна – на последнем ряду, на своем наблюдательном посту недалеко от двери, в которую можно незаметно зайти перед самым началом занятий и так же выйти, и никто не обратит внимания.

Галочка разочарованно вздохнула и, поправив очки, отвернулась. Разумеется, ее печалило мое равнодушие. Даже ей с кем-то хоть иногда хотелось обсудить мальчишек и прочее. А Наташа... Галя зыркнула на соседку, которая ссутулилась над листком бумаги, доводя работу до совершенства. Наташа не подходила на эту роль никак: инопланетянка, будь она не ладна. Ботаноид с планеты Очкариус. Хорошо, хоть списывать можно. Главное, не окосеть к выпускному.

Мои мысли прервал громкий стук откуда-то справа. В дверном проеме показалась завка-федры Инна Владимировна. Грузная женщина лет пятидесяти с пышной химией на голове. Ее появление быстро привело в чувство всех студентов, а в особенности Серафиму, которая, оторвавшись, наконец, от телефона, подскочила со стула и натянула на лицо приветливую улыбку.

– Доброго дня! Я буквально на секунду. – Зычным басом прогрохотала Инна Владимировна.

– Доброго! – Подхватила Серафима и сложила руки на груди.

– Не буду вас отвлекать. Просто представлю нового студента вашей группы. – Она сделал шаг назад, освобождая проход. – Дима, проходи! Прошу любить и жаловать. Проходи. Ну, а я пойду, мне пора.

– Спасибо, – кивнула Серафима. – Проходите, занимайте любое место. – И обратилась к нам. – Ребята, сдаем свои работы. Передавайте по рядам.

Никто не обратил на нее никакого внимания. Все ждали. Ждали его появления, словно второго пришествия. Могу ошибаться, но, кажется, никто даже не дышал. По крайней мере,

звук пролетевшей мухи показался мне ревом истребителя – оглушающим и резким. А потом раздались шаги.

Шаг. Еще шаг.

Первыми из-за угла появились ботинки новенького. Угольно-черные кеды на низкой подошве. Затем джинсы. Темно-синие? Нет, почти черные, потертые. Свитер. Он ярким светлым пятном сразу захватил все мое внимание. Молочного цвета, вязаный, мягкий. К такому обычно хочется прижаться щекой. Из-под свитера торчала рубашка, темно-красная в мелкую клеточку.

Прикид со вкусом, и явно дорогой.

Подняв глаза выше, я почувствовала, как дыхание забилося в горле испуганным зверьком. Уже знакомые всклокоченные волосы, хмурый, будто не выспавшийся, взгляд сине-зеленых глаз, и яркие переливы рисунков по всей шее и на кисти левой руки, держащейся за карман джинсов.

Он поднял подбородок, лениво окинув притихшую аудиторию взглядом. Слева направо. Медленно. Кивнул в знак приветствия кому-то невидимому, а может всем нам сразу. Поправил сумку на плече и сделал неуверенный шаг в кабинет. Дверь за ним захлопнулась.

– Продолжим занятие, – как-то неуверенно объявила Серафима.

Но никто и не думал оборачиваться к ней. Все застыли, беззастенчиво разглядывая вошедшего. Вот кто-то поднял руку. Краем глаза я заметила, что это был Костыль. Махнул приветственно, подзывая новенького сесть к нему. Тот в ответ прищурился, видимо, прикидывая, как бы лучше добраться туда, к окну, и кивнул. А затем вдруг обернулся на звук.

Мне показалось, я сейчас умру. На месте. Парень стоял, глядя прямо мне в глаза. *Он!* Псих, хам и преследователь! Чертов татуированный под хохлому подлец!

И все из-за предательски выпавшего из моих рук карандаша, с глухим звоном обрушившимся на стол. Плечи новенького распрямились, и... на лице вдруг засияла довольная улыбка.

Нет! Нет! Нет...

Секунда, и он уже двигался в мою сторону.

Бежать было некуда, и в полной тишине под пристальным вниманием нескольких десятков пар глаз я наблюдала, как сокращается расстояние между нами. Слушала, как оглушительно бьется мое сердце: «Бах-бах-бах!» – как многотонный поезд.

Вдруг новенький остановился, небрежно бросил сумку на соседний стул и сел вплотную ко мне. Отчаянно близко. Так близко, что я даже закусила губу.

Интересно, кто-нибудь видит нас?

Оторвав взгляд от его татуировок, я подняла взгляд. Все! На нас таращились все без исключения! И в тот момент, когда мое лицо залило красным, парень, погрузив меня в терпкий аромат своего парфюма, наклонился к самому моему уху, и, улыбаясь, у всех на глазах – медленно и четко – произнес с такой характерной ему хрипотцой в голосе:

– Ну, вот. А ты переживала, что мы больше не увидимся.

9

Я повернулась к нему и уставилась взглядом полным возмущения. Какого черта он привлекает ко мне столько ненужного внимания?! Врывается в мое личное пространство. Дышит. Прямо мне в лицо, с шумом выталкивая воздух из ноздрей.

– Эй, ты что дышишь, как загнанный конь? – Сказала я ему одним взглядом. – Только что с «Гонки героев» вернулся, что ли?

Мои губы остались сомкнуты, но до него дошло. Поняла это по его улыбке. Он рассмеялся. Беззвучно. Забалдел и, похоже, действительно был рад меня видеть. А еще ему нравилось меня раздражать – это тоже было написано на его лице.

Все продолжали смотреть на нас.

Мы же смотрели друг на друга.

Сколько там сантиметров до его губ? Наверное, не больше десяти. Ладонка едва пролезла бы между нашими лицами. Он смеялся глазами, а я метала молнии. Он улыбался, а я злилась. Наверное, это длилось несколько секунд, но ощущалось вечностью.

Очередной спор? Игра в гляделки. Тогда поглядим, кто кого. Я вздохнула. Секунда, еще одна. Эх...

Когда я уже была готова сдаться, он вдруг повернулся к остальным. У Галочки от неожиданности даже очки чуть не слетели с переносицы (но запотели уж точно). Испуганно ойкнув, она отвернулась и склонилась над тетрадью.

Других тоже не пришлось уговаривать: ребята, смущенные его строгим и серьезным взглядом, возвращались к своим делам. И лишь Наташа фыркнула что-то нечленораздельное. Я, уже привыкшая к ее языку жестов и звуков, расшифровала это как осуждение внешнего вида новенького. И правильно: лучше бы науку грыз, чем краской кожу портить.

– Передаем свои работы, – напомнила Серафима, – и будем возвращаться к теме лекции.

Все закопошились, зашелестели листочками. Танька получила по плечу от Дианы за то, что никак не могла оторваться от созерцания такого странного союза, как обсуждаемый всеми новенький и местная девочка-невидимка. Когда она все-таки развернулась, среди ее подружек побежал благоговейный шепоток.

– К ней... к ней сел...

Ох, да, похоже, нужно было признать – разукрашка в живую понравился всем еще больше. Вот гад. И то, что я внезапно испытала, осознав это, обеспокоило меня не меньше, чем факт того, что этот тип уже сидел, прижавшись ко мне плечом.

– Хватит меня трогать. – Прошипела я, отодвигаясь.

– Кладите листочки на мой стол. И так... – Серафима опять понеслась по волнам знаний.

Мои пальцы сами обхватили ручку, готовые конспектировать. Не стану обращать никакого внимания на его присутствие. Нет. Не-е-ет...

– Скучала, значит. – Сказал он тихим шепотом, заставив меня дернуться от щекотки.

Ужасно захотелось вмазать ему. Прямо сейчас и при всех. Аж зубы свело.

– Чего? – Я отодвинулась от него еще немного.

Его рука скользнула к моей тетради. Отодвинув гелиевые ручки, он указал прямо на клюв большой птицы, расправившей крылья. Постучал по ней и улыбнулся. Затем задрал подбородок повыше, указывая на рисунок на своей шее, и подмигнул мне.

Вот дерьмо! Надо же было так опростоволоситься. Кто ж знал, что он придет и увидит? Я вырвала свою тетрадь из его рук и резко захлопнула. Будто таким способом можно было заставить его забыть о том, что он только что видел.

– Во-о-от, – наваливаясь спиной на спинку стула, мягко прошептал он, – скучала. И еще как!

– Вот еще. – Я отвернулась, делая вид, что внимательно слушаю преподавателя. На самом деле просто вспоминала, как нужно дышать. «Вдох-выдох. Вдох-выдох». Только бы голова не взорвалась от усердия.

– Суча-а-ала. – Продолжал издеваться новенький-татуированный.

Достал какой-то огрызок, когда-то бывший карандашом, тонкую ручку в металлическом корпусе и новенькую тетрадку. Нарядную, едва ли не в золотой обложке. Наверняка, стащил у папашки-олигарха. Очередной мажорище на мою голову!

– Ты что заладил? Так и собрался, как попугай, мне это весь день повторять? – прорычала я сквозь зубы, даже не глядя в его сторону.

– Мне нравится, как ты бесишься. – Делая вид, что внимательно слушает Серафиму, усмехнулся он. – Это я еще в автобусе заметил. Твои глаза. И безумные огоньки в них, которые появляются, когда ты на меня смотришь...

– Слушай, – обернулась я, – а у тебя щека не болит?

– Нет, – парень растерянно пожал плечами. – А должна?

– Будешь много говорить, – прошептала я, отворачиваясь, – получишь еще одну затрепщину.

– Аа-а. – Он потер скулу с левой стороны. – Вот ты о чем...

– Именно.

– Ну, – парень мечтательно задумался, – мне понравилось, какой ты можешь быть... резкой. Столько экспрессии и силы в такой маленькой девчужке.

– Сам ты маленький.

– Я большой. – Немного подумал он и добавил. – Везде вообще-то.

– Прекрати. – Давно мне не было так неловко. Хоть бы форточку кто открыл, духота же невыносимая. – Давай без подробностей, хорошо? Они мне не интересны. А еще лучше – иди и вымой рот с мылом, и не болтай ерунду.

– Кнопка мелкая, а бурчишь, как чайник с кипятком.

– Иди ты к черту, д...

– Сурикова, вы хотите высказаться?! – недовольным тоном спросила Серафима.

И черт меня подери на этом самом месте, если десятки пар любопытных глаз вновь не уставились на нас.

«У меня что, рога растут? Чего вылупились? Отвернитесь!» – я воинственно нахмурила брови.

– Н-нет, – мотнув головой, я покосилась на расписного. Он сидел, как ни в чем не бывало, с невероятно умным лицом. Лицом человека, которого ничто не способно было отвлечь от важной лекции по практике перевода. Парень, закусив карандаш зубами, смотрел преподавателю прямо в глаза. Внимал, так сказать.

Вот так, значит? По моей коже распространялся жар от такого пристального внимания.

– Может, вам есть, что сказать о проблемах стилистики перевода? – Прищурилась Серафима.

– Я... я...

– Рот закрой, а то муха залетит. – Усмехнулся новенький, прикрыв губы кулаком, чтобы преподаватель не видела.

Я выписывала глазами круги на парте, подбирая нужные слова. Вот ведь подстава!

– Дима. – Вдруг осенило меня. Даже язык загло от его имени. Сосед обернулся ко мне, не веря своим ушам. – Дима-а... – повторила я, царапая ногтями собственные ладони. – Дима... хочет высказаться по данной теме!

– Вот как? – Заинтересованно протянула Серафима, оглядывая чудо в перьях, с недоумением врывающееся в меня глазами.

О-о-о, в этом взгляде было все: замешательство, оторопь, растерянность. Я даже позволила себе на секунду окунуться в эти глаза, рассказывающие целые истории яркими всплесками своих сине-зеленых радужек.

Признаться, на мгновение стало даже страшно – как он отреагирует на подобную подлость? Парень прищурился, будто принимая вызов, и одними губами произнес: «все, ты попала». И, похоже, мне действительно было несдобровать, поэтому я спрятала желавшую расплыться на губах улыбку.

Не, ну, а как он хотел? Зуб за зуб, глаз за глаз. Это всего лишь маленькая месть за испорченное пальто... и за поцелуй, который он взял тогда силой. Хотя... Я напрягла память.... Силой ли? А кто, если не я, вцепился тогда в его губы? А потом с силой лупанул по щеке, злясь на одну только себя?

– Да, с удовольствием, – кивая преподавательнице, встал новенький.

Теперь он возвышался надо мной на все свои... сколько там? Метр девяносто? Два? Вряд ли два метра. Но с моего места он казался нескончаемо длинным. В своем мягком стильном свитере и симпатичной рубашке, воротничком прикрывающей половину рисунков на шее.

«Рельса» – вывела я карандашом на полях. А что? Всего лишь в отместку за его прошлую реплику про кнопку. И тут же получила легкий тычок коленом по ноге.

– Дмитрий. Мы только что обсуждали различие степени экспрессии в двух языках – русском и английском. На примере произведения «Великий Гэтсби» Фицджеральда. Ты слышал, о чем я говорила?

– Да, – ответил уверенно и громко.

Врет, как дышит, вот ведь сволочь.

– Тогда я повторяю с твоего позволения... – Она взяла учебник и отвела от себя на расстояние вытянутой руки, всматриваясь в строчки.

– Конечно.

– «But his eyes, dimmed a little by many paintless days under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground». Мы уже обсудили и пришли к выводу, что если передать значение, как «краска давно не подновлялась», то потеряем эпитет «paintless». Какой перевод, на твой взгляд, здесь будет для него более удачным?

Он просиял. Нет, реально – просиял. Ему что, конфетку кинули? Или кто-то врубил софиты над головой? С чего бы такой кайф ловить?

– Думаю, что... «краска немного полиняла от дождя и солнца... и давно уже не подновлялась» будет самое то. – Спокойно ответил он.

Я оценила.

Хитрец, он отлично вышел из положения.

Я еле удержала руки от восторженных аплодисментов. Этот самодовольный хмырь не только переводил на ходу, но умудрялся еще и быстро подбирать соответствующие эпитеты на русском. Окей, засчитано.

– Спасибо, садись. – Удовлетворенно кивнула Серафима. – А теперь идем дальше. В любом языке есть отдельные элементы, не поддающиеся передаче средствами другого языка, поэтому становится очевидной необходимость компенсировать эти потери при переводе.

«Пупсик» – выхватив у меня из-под носа одну из гелиевых ручек, нацарапал он прямо в моем конспекте. Я с шумом выдохнула. Жаль, что я не огнедышащий дракон – спалила бы его к чертям вместе с этой наглой ухмылкой.

«Оглобля» – вывела старательно, обведя каждую букву дважды.

«Малявка» – не остался в долгу новенький.

А почему собственно мы чиркаем в моей тетрадке, а не в его? Я оттолкнула парня локтем и написала прямо посреди чистой страницы:

«Глиста в скафандре!»

Детский сад, но что поделать – я разошлась не на шутку.

И даже вздрогнула, обнаружив, что, пока я была занята написанием, он уперся лицом мне куда-то за ухо и втягивал носом запах моих волос. Отстранившись, я сглотнула и злобно сверкнула глазами – типа «совсем ошалел?» Но он и не думал смотреть на меня, а уже принялся выводить красивыми печатными буквами:

«Шмакодявка!»

Я даже засмотрелась на его левую руку, лежащую рядом. Листики, переплетающиеся в причудливые узоры, и похожие своими краями на женский профиль. Зрелая, с полными губами и тугими черными кудрями девица. На фоне красного заката. С прической из цветов и дивных лиан, убегающих от ее головы на запястье, а оттуда вверх – куда-то под свитер.

Сегодня на его пальцах не было колец. Удивительно. Видимо, приготовился к первому дню на новом месте – даже приоделся, почти на человека похож стал. Странные надписи, тянущиеся от мизинца к тыльной стороне ладони, никак не удавалось прочесть. Он кто? Хренов Майкл Скофилд? Чтобы записывать всю историю жизни на теле и шифровать ее, точно карту.

Что за белиберда? Эй, я на инязе учусь или где? Старалась, старалась, поворачивая шею то туда, то сюда. Слева направо, справа налево читала. Но буквы так и не складывались ни в одно из знакомых слов. Плясали, играя гранями на солнце, и дразнили своей неразгаданностью. Латынь, может быть? Или совсем не буквы... Может, детские каляки? Так, почиркал кто-то.

Я оторвалась от разглядывания соседа, почувствовав на себе его пронзительный взгляд. Вздрогнула, растерявшись.

Да-а, Сурикова не только засмотрелась на него, а еще и первый раз за эти несколько лет не конспектирует каждое слово подряд за учителем! Ну и дела....

Я перевела взгляд обратно на тетрадь. Шмакодявка, значит? Ла-адно!

«Бугай!»

Даже восклицательный знак поставила. О, как! «На-кась, выкусь!»

Парень беззвучно рассмеялся, вытягивая под столом свои длинные ноги. Наклонился на спинку стула, задумывая, кажется, что-то недоброе. И после недолгой паузы написал: «*Маляус*». Подумал и добавил: «*Теперь только так*».

Он что? Новое прозвище мне выдумал?

И в то же мгновение я почувствовала неприятный холодок, пробежавший по спине. Как-то под действием адреналина вдруг и забылось, что все веселье скоро закончится. Новенький сел ко мне только потому, что это было ближайшим удобным местечком. Еще и плюс: можно подразнить девчонку, с которой заключил глупое пари. Вот скоро он сойдется со всеми этими красивыми и успешными и тоже станет звать меня за глаза сурикатом. А то и прямо в лицо, не стеснясь.

– Ты чего? – вдруг толкнул он плечом, заметив мой потускневший взгляд.

– Ничего.

– Обиделась?

Я отрицательно покачала головой. Вдруг все стали вставать со своих мест. Конец пары. Галочка обернулась назад, не удержавшись от любопытства.

– Привет, – немного нагнувшись вперед, хрипло произнес ей в лицо новенький.

Хлоп-хлоп-хлоп. Галя захлопала ресницами и моментально зарделась, явно поддавшись обаянию мерзавца. Затем что-то смущенно промурлыкала в ответ, отвернулась и принялась быстро кидать тетрадки в сумку. Я тоже начала собираться. Если этот тип так действует на девочек, то его определенно ждет здесь популярность. А мне почему-то захотелось поскорее свалить.

– Эй, маляус, – он тронул меня за плечо.

Я подняла взгляд, не в силах сдержать волнения.

– Что? – ответила слишком раздраженно и почти грубо.

Парень наклонился к самому уху, заставив меня упереться взглядом в разноцветную птицу на его шее, обдал запахом табака и свежестью парфюма.

– Тебя как хоть зовут?

– А есть разница? – схватив сумку, спросила я.

– Есть, конечно.

– Тогда Маша, – ответила ему негромко, нервно сгребая ручки, свалившиеся со стола.

– Прекрасно. – Он продолжил бесцеремонно меня разглядывать, словно пытаясь понять метаморфозы в моем поведении, произошедшие буквально у него на глазах. – Маша, покажешь, куда нам идти дальше?

Я открыла рот, чтобы ответить, но заметила, что сзади к нему уже подошел Костыль и все его ребята. И даже девочки. «Ох, как бы сбежать незаметно?»

– Эй, дружище! – бросив на меня лишь мимолетный взгляд, громко воскликнул Игорь и распахнул руки для объятия.

Новенький обернулся.

– Здрóво!

И они обнялись, как старые приятели. С уверенным похлопыванием по спине и движениями из стороны в сторону. Ох, видимо, долго не виделись и даже соскучились. Пойду-ка я.

– Игорь, – требовательный, но ужасно милый голос Вики. Подружки выглядывали из-за ее плеча, как стая гиен в ожидании своей порции падали. – Познакомишь нас со своим другом?

– Конечно! – Радостно отозвался Костыль.

Пора валить: я закинула сумку на плечо и двинулась к выходу. Быстро, не оглядываясь и не дожидаясь, пока разомкнутся их дружеские объятия.

10

– И ты вот так просто ушла?

– Ну, да. – Я натянула перчатки.

Как там? Всегда путаюсь, когда в меню вводят что-то новое. Чесночная серая булочка, творожный сыр, курица, помидор, авокадо, моцарелла, шпинат и лук-порей – друг за другом, и именно в этой последовательности. Сегодня, как обычно, ингредиенты отказывались помещаться в булке, как положено.

Rrrr! Странно, и почему только у меня всегда возникала такая проблема? Положила, украсила листьями шпината, посыпала сверху секретными специями из большой банки. Бургер, сэндвич, брускетта, или как ее там обзывают в меню? Бейгл? Короче, готово! Фуу-ух...

– Зачем? – Аня взяла из моих рук тарелку с готовым блюдом и поставила на поднос. – Осталась бы с ним, показала бы следующую аудиторию. Усадила рядом с собой...

– Нет, спасибо, – фыркнула я, принимаясь за следующий кулинарный шедевр местного значения. Выдохнула, чтобы окончательно успокоиться.

Как же трудно шевелить руками, когда ты не можешь удержать в них даже свою жизнь.

– Почему?

– Не хочу опять обжигаться. И вообще, пусть общается со своими новыми мажористыми друзьями. Он мне даже не понравился!

Только бы не перепутать чашки и порядок следования ингредиентов. Сначала сыр, потом курица и так далее. Я косяк еще тот... И зачем нужно каждый месяц придумывать новые блюда? То сэндвичи, то тортильи, теперь вот это чудо в перьях и листьях.

– Ой, ли, не понравился! Чего тогда, как пришла, давай сразу про него трепаться? – Солнце перехватила из моих рук тарелку и скрылась за поворотом. – Не понравился он ей, ага.

Мне до смерти хотелось рассказать подруге все в мельчайших деталях, но, придя с учебы и переодевшись в рабочую форму, я сообщила ей лишь сухие факты. Кратко и без подробностей. Почему-то казалось, если озвучу самые потаенные свои мысли и переживания, то все это непременно вновь обернется крушением надежд, как с Игорем.

Еще рано рассказывать полностью. Пока даже в себе не разобралась, как следует. Но Солнцева, та еще заноза, она умела докапываться до сути. Всегда. С помощью ухищрений и системы словесных маневров. Если не помогало, переходила на следующий уровень: угрозы и даже пытки. Честно, я начинала ее немного побаиваться.

Судите сами. Человек за последний год испытал на себе почти все самые причудливые веяния моды прошлых сезонов. Разноцветные волосы: розовые, фиолетовые и кислотно-сиреневые со жгутами, вплетенными в косички. Рваные в хлам джинсы, под которые она носила колготки в крупную сетку. Сумочка-мошна на талии, такие были в моде у торгашей девяностых. И, наконец, каблуки со спортивными брюками – для меня это слишком.

Можете считать меня консервативной и занудной, но я боюсь того, что никогда не знаю, чего от нее ожидать в следующую секунду. Сегодня Солнцева убивается по йоге, завтра по фен-шую, а послезавтра что? Сетевой бизнес, косметика, таро? Смена пола? А, может, она примет иудаизм? Или устроится киллером? Не могу ручаться ни за один из пунктов.

Так что кефирная диета и бойкот мужчинам – мелочи, просто легкая блажь. Женская причуда, так сказать. Простительно и терпимо.

– Какие выводы я могу сделать из твоих слов? – Вернувшись, она остановилась у выхода, заняв удобную наблюдательную позицию. Правым глазом Аня могла видеть весь зал и девочек у стойки. Левым – меня и остальную кухню, где трудились Оганес, наш шеф-повар, Лилечка, его главная помощница, и Степан, заведующий грилем. В данный момент им совершенно было не до нас: под легкий армянский мотивчик вся троица занималась выполнением заказов.

– И какие же? – Я встала на цыпочки, чтобы увидеть, сколько посетителей находилось в зале.

– Ты делишь все на два. Если сказала, что он высокий и не сильно страшный, значит, парень рослый, красивый и... сексуальный.

– Вовсе нет. – У меня опять никак не получалось равномерно распределить начинку внутри булки. Пришлось изловчиться и напихать так, чтобы содержимое не лезло обратно.

– Ты сказала, что он был прилично помят во время вашей первой встречи в автобусе.

– Да он вел себя невоспитанно, а выглядел как чертов торчок!

– Значит, был немного помят. Раздражен. – Солнцева забралась на стойку возле прохода и принялась болтать ногами, опасливо поглядывая на дверь кабинета управляющего кафе за моей спиной. – А ты, Машка, просто придираешься. Мне бы взглянуть на него хоть разок, тогда точно скажу, стоит ли тебе забивать твою дурную голову мыслями о нем.

Я положила ложку обратно в контейнер с творожным сыром. Все, теперь можно было заняться нарезкой шоколадных пирожных.

– Ань, да он вылитый попугай. Изрисованный, разодетый! Только дыр в ушах не хватает для полного набора. И кольца в носу. – Я поставила лист с десертом на стол и взяла специальный нож.

Мммм, шоколадная заливка сверху, сливки, орехи и приятный тонкий аромат коньяка. Да, Лилечка постаралась сегодня.

– Я уверена, ты преувеличиваешь. – Аня закатила глаза, чтобы не соблазниться сладким. Ее бутылка кефира ждала своего часа в холодильнике и напоминала о любимых джинсах, в которые задница подруги никак не желала влезать еще с зимы.

– Вот тебе бы он понравился, точно говорю. Ты любишь все яркое и цветное.

– Да и тебе, как я вижу, понравился. Иначе бы даже речи о нем не завела, тихушница! – Усмехнулась она, прыгивая. – Хочешь, даже возьму твоего брата на себя? Отвлеку, чтобы не нервничал. А то беспокоится, что его младшая сестренка может потерять девственность с неподходящим человеком.

– Ты же знаешь, что я не... – мне ужасно хотелось избежать этого разговора, и теперь стало жаль, что не удалось.

– Но Павлик-то не знает. – Солнцева вытянула шею, разглядывая посетителей коктейль-бара. – И если бы у тебя вдруг появился парень, Суриков бы успокоился, поверь. Переложил бы заботу о младшенькой, да не переживал больше.

– Ну-ну.

– Кстати, он вчера заходил. – Она играла бровями.

– Не может быть, – хмыкнула я.

– Ага, – Аня подняла футболку и попыталась оттянуть рукой несуществующий жир на талии, прикидывая, сколько еще осталось худеть к лету.

– И как он?

– Как-как, на тебя похож, только выше и крепче.

– Да я не об этом. Что говорит?

– Ну-у, – подруга намотала прядь волос на палец, силясь вспомнить.

– Понятно. – Разложив пирожные по тарелочкам, и накрыв пленкой, я отложила их в сторону. – Вы опять глазели друг на друга, а затем разошлись каждый в свою сторону?

– Нет. – Ответила она неуверенно и смущенно.

– Да, – усмехнулась я, снимая перчатки. – Как всегда.

– Ты же помнишь про обет? Воздержание, все дела... И вообще, твой брат жутко похож на тебя, а это так странно.

– Все верно, – я подошла к окну, заклеенному рекламой наполовину. На улице распогодилось, и люди сновали туда-сюда уже в одних кофточках и футболках. – А еще Пашка – дуралей, грязнуля и драчун. На черта тебе такой, спрашивается?

– Маш?

– А? – Обернулась я.

– Может, дашь шанс своему попугаю? Глядишь, он не такой, как все, и у вас...

– Нет. – Я спрятала глаза. – И он даже не в моем вкусе.

– Рано ты себя закапываешь, – бросила подруга, отворачиваясь. – Такими темпами через пару лет совсем закроешься ото всех и будешь беспрестанно ворчать, как бабка.

Она покачала головой и направилась в зал. Я проводила ее усталым взглядом, поправила косынку на голове и вернулась к обязанностям – мелким, надоевшим, но таким нужным, чтобы хоть немного отвлечься. Все-таки, Солнце всегда говорила дельные вещи, а еще чаще просто озвучивала то, в чем я сама себе боялась признаться. Каждый раз, когда мне хотелось закрыть глаза на проблему, она возвращалась к ней, чтобы заново обсудить. Еще, и еще, и так до тех пор, пока не находилось решение.

Единственным камнем преткновения оставались мои отношения с одноклассниками. Я упрямо твердила Ане, что мне и так нормально, но она настойчиво предлагала пути решения, вроде такого, как попробовать найти с ними общий язык, перейти в другой универ или посоветоваться с братом. А я привычно упиралась: нет, я не изгой, меня не обижают, мне и так хорошо, я на всех забила, и меня все устраивает.

– У тебя есть там кто-то, с кем хотя бы можно поболтать на переменке, если скучно? – спрашивала она.

Как удар под дых. Вроде уже привыкла, а все равно неприятно.

– Нет, – всякий раз отвечала я, ощущая тяжелый камень в груди, – как нет и потребности с кем-то там разговаривать.

– О чем и говорю, – сердилась Аня, теребя свои иссиня-черные волосы.

Хороший друг чувствует сердцем. Хороший друг видит боль даже за улыбкой. Хороший друг – это тот, кто, зная твои минусы, все равно тебя любит.

И Солнцева была именно такой.

– Там! – Она вбежала в кухню, словно ошпаренная. – Там!

Аня трясла рукой с блокнотом, указывая на зал.

– Что? – Я поправила фартук и взглянула на нее.

– Мне кажется, это он!

– Кто?

– Твой Дима! – Воскликнула она радостно.

11

– Мой кто?! – Переспросила я, еще не до конца понимая, что происходит, и почему вдруг так кольнуло сердце при звуке чужого имени.

– Попугай!

– Ого, – спохватилась я, – не ори только! Тс-с! Спокойно, вдруг это даже не он.

Но Солнцеву было уже не остановить. Вулкан начал извергаться, брызгая в разные стороны лавой-слюной.

– Он... это... такой... я... – Она закрыла лицо руками. – Это просто вау!

Пробравшись на цыпочках к двери, я отодвинула занавеску. В зале уже заметно прибавилось народу. Солнцева напирала на меня, толкая в бок, таранила локтями и коленями. Пришлось остановить ее на расстоянии вытянутой руки.

– Тихо ты!

– Ну? Ну?! – нетерпеливо подпрыгивала она. – Он? Он, да?!

Я пробежалась глазами по залу и остановилась на компании ребят за большим столиком возле окна. Ну, конечно. Вот она, наша золотая молодежь. Игореша, Максимка, Денчик, их облезлые курицы... и новенький, собственной персоной. Смеющийся и галантно отодвигающий стул для (кого бы вы думали?)... да-а... для Вики, смотрящей на него с самым ангельским выражением лица, на какое только может быть способна очковая кобра.

– Он, – прошептала я, высовываясь уже наполовину и забывая, что меня могут заметить. – Он...

И, спохватившись, быстро спряталась обратно. Прислонилась к стене, стараясь унять нахлынувшее волнение.

Там ведь по пути от универа куча сетевых кафе, и даже тир есть, если хочется пострелять не только глазками. Нет, надо было припереть сюда. Шли бы, вон, в кабак с караоке! Не хватало только опозориться сразу перед всеми, засветившись в этой дурацкой косынке.

– Маш, он такой... прикольный, – пропела на выдохе Аня, продолжая таращиться на их компанию через щель между стеной и шторой.

– Мне все равно, – сжав кулаки, я вернулась к столу.

Надела перчатки, сняла, снова надела. Подошла к холодильнику, открыла его, закрыла. Выдохнула, заметив, что подруга пристально за мной наблюдает.

– Маш, – сказала вдруг она, – это ведь нормально, что он общается с ними. А с кем ему еще сходить? Красивый, хорошо одетый мальчик первый день на новом месте. Естественно, что его потянуло к таким же, как и он. А их к нему. Только вот ни что не мешает тебе последовать примеру. Я бы поборолась за такого парня, тем более, ты красивее, приятнее и умнее этих девчонок.

– Солнцева, – хватая миски с соусами, взмолилась я, – перестань, а? Меня и так бесит, что мысли раз от раза возвращаются к нему. И все из-за дурацкого спора. А тут еще ты!

– Зануда ты, Сурикова. – Анна сложила руки на груди. – Пойду я на разведку. Буду ковать твое счастье за тебя, раз ты так тормозишь.

– Своим бы лучше занялась!

Но силуэт подруги уже исчез в дверном проеме. Не раздумывая, я бросилась к нему. Высунула один глаз из-за угла, отодвигая шторку, и, затаив дыхание, принялась наблюдать.

Да, им было очень весело, компания заняла весь столик. Они сидели, о чем-то оживленно болтая. Костыль, размахивая руками, что-то рассказывал. Судя по жестам, какую рыбину недавно поймал на спиннинг. Хотя, какая рыбалка таким, как он? Прожигателям жизни. Наверное, хвалился своим хозяйством. Не-е-т. Ну, не прилюдно же это делать.

Я брезгливо поморщилась. Шутка Игоря удалась, потому что все дружно рассмеялись. И даже девочки – правда, не отрывая взгляда от моего Димы.

Что? *Моего?* Это я сейчас так сказала?! Фух, хорошо, что про себя, не вслух. Какой он мой? Даже не нравится. Нисколько. Вон, какой долговязый и... и... крышесносно улыбается всем подряд! Подлец...

Пришла и его очередь рассказывать что-то забавное. Несколько фраз, и очередной взрыв смеха. «Ха-ха-ха, как смешно. Смотри, не гогочи так сильно, Старыгина, протезы вывалятся!»

Со своего наблюдательного поста мне казалось, что я слышу его глубокий голос с легкой хрипотцой. Рука с причудливыми рисунками взметнулась вверх в поисках официанта, но Солнцева уже стояла рядом в паре метров, делая вид, что считает солонки на соседнем столике.

– Бла-бла-бла-бла? – Что-то вежливо спросила она, доставая из кармана форменных брюк блокнот и карандаш.

Чертова музыка, ничего не слышно.

– Бла-бла. – Ответил новенький. – Бла, бла, бла и бла-бла.

– Гав-гав! – Добавил Игорь, перекрикивая радио, льющее веселый мотивчик из динамиков в углу.

– Бла-бла? – Уточнил Дима, обращаясь к сидящим рядом девушкам.

– Тяв-тяв-тяв! – Перекрикивая друг друга, принялись перечислять размалеванные куклы.

– Шшшшш, – а это уже шипела Вика, слегка подняв подбородок, благородно и надменно.

Она водила пальчиком в воздухе прямо перед носом новенького, наверняка, перечисляла желаемое: фуагра, белые трюфели, лобстеры и икру. Да-да, немного икры, пожалуйста, а то я на диете. «Очнись, дорогая, ты в обычной забегаловке! Аристократка! Сейчас Солнцева тебе объяснит, куда ты попала».

Но Аня только кивала. Жаль, отсюда не было видно ее лица. Наверняка, и улыбалась всей этой братии. Перечислив по порядку все заказанное, подружка развернулась на каблуках и с довольным видом направилась в мою сторону.

Я пулей долетела до своего места, проехав несколько метров на скользких подошвах в тщетной попытке затормозить. Остановилась, хватаясь за край стола, восстановила равновесие (с дыханием было сложнее) и сделала самое непроницаемое лицо. Лицо человека, занятого своим делом. Каким? Да вот хотя бы таким: помешиванием соуса для тортिलли. Неспешным помешиванием густого ароматного соуса.

– Вот, – Первым делом она оторвала лист из блокнота и отдала Лилечке в кухню. Потом подошла ко мне и указала пальцем на оставшуюся в блокноте копию. – Займись-ка. Я пока отнесу напитки.

И все? Она что, больше ничего не скажет? Солнцева сложив необходимое на поднос и разлив напитки по стаканам, двинулась обратно в зал. Издевается, не иначе. Знает, что я сгораю от любопытства и ждет, когда сама спрошу. А вот не буду! Не буду и все! Я поправила разделочную доску и начала сворачивать ингредиенты в лаваш. Курица, морковка, что там еще? Блин...

– Твой ненаглядный попросил чай. – Солнцева, уже вернувшись, встала рядом со мной. – Зеленый. У меня когнитивный диссонанс – аж глаз задергался!

– Что здесь странного? – не отвлекаясь от тортилли, спросила я.

– Такие ребята не заказывают чай. Я еще понимаю, если сок. Мало ли, сушнячок долбит. А тут чай.

– Бывает.

Интересно, если я буду присвистывать, она поверит, что он мне безразличен?

– Мне продолжать шпионить? Или как?

– А ты шпионила?

– Ну-у... Хотела пересчитать все крошки на всех соседних столах, но так ничего и не обнаружила. Слонялась рядом, поправляла салфетницы, грела уши.

– И? Что-то узнала?

– Ага! Так я и знала! Тебе интересно! – Солнцева довольно захихикала, потирая руки. Подруга явно переигрывала, лучше бы уж сразу воспользовалась злодейским смехом, получилось бы эффектнее.

– Вовсе нет, ты ведь сама начала рассказывать. Говори уж...

– Ничего особого я не узнала. Поняла только, что твой Костыль... – Она осеклась, встретив мой угрожающий взгляд. – Прости-прости, не твой. Что Костыль и твой Дима живут где-то рядом и были дружны в детстве. Пару лет назад он куда-то уехал, а вернулся только на днях.

– Вот как.

– Да. А девки уже окучивают его: Дима то, Дима это. Ой, какой ты веселый, сейчас животики надорвем!

– Вот и пусть надрывают. А нас с ним не связывает ничего кроме глупого спора.

– Как скажешь, – подмигнула Аня и направилась на кухню.

Я стиснула челюсти. Гвоздей, что ли, завернуть в тортюлю этой Старыгиной? Она не могла не бесить меня просто потому, что даже от своих бестолковых подруг выгодно отличалась. И умом, и приятным внешним видом. Но сколько бы я не злилась, не могла отрицать, что Вика была хорошенькой: светлые глаза, светлые волосы, правильные черты лица. Минимум косметики, всегда скромно и со вкусом одета. Утонченная, правильная до кончиков ногтей. И спокойная, как удав. Вот таких мужчины добиваются, именно на таких и женятся.

А я? А что я? С такими, как я, можно вон... как Игорь. Послать, даже не утруждая себя объяснениями. Вытер ноги, пошел дальше, и правильно.

Я больше не проронила ни слова. Закончила с заказом, подошла к окну. Встала и, сгорбившись, уставилась вдаль. И почему мне даже не хотелось побороться, если нравится этот парень? Да, нравится, нельзя не признать. Хоть меня и бесит этот факт. Отчаянно бесит!

Но Сурикова готова опять оставить все на волю судьбы. Будь, как будь, и плыть по течению. Что за характер такой? Пашка бы на моем месте непременно добился своего. Переломал бы кучу дров, набил бы шишек, но добился.

– Когда парни выходили покурить, Костыль сказал девчонкам, что красавчик-новенький ни разу не был замечен с одной и той же девушкой чаще одного раза. Меняет их, видимо, как перчатки. – Солнцева села на подоконник рядом со мной.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я вот так, молча, смотрела на проезжающие по дороге автомобили.

– Они расстроились? – Поинтересовалась я безразлично.

– Ни капельки. А ты?

– А я... – Произнесла, поворачиваясь к подруге. – А кто я вообще? Ему? Им? Никто. Так что никакого мне до них дела.

Улыбнулась горько и немного обиженно. И вернулась к столу.

– Они ушли, Маша. – Вздохнула Солнцева. – Ушли, оставив Вика с твоим новеньким наедине. Сидят там вдвоем, друг напротив друга, воркуют.

– Пусть.

Аня обошла меня и посмотрела в глаза.

– Тебе не обидно?

– Нет. Совершенно.

– Хочешь, – улыбнулась она, – я испорчу им посиделки?

– Пусть наслаждаются общением.

Пора браться за работу: я придвинула ближе контейнеры и принялась нарезать новую порцию овощей.

– Что ж я, совсем бесчувственная? И брошу тебя в таком унынии? Да никогда! – И Солнцева направилась в зал, громко цокая каблуками по кафелю.

Я немедленно потрусила к шторке. Прижалась к стене и осторожно выглянула, отодвигая занавеску. А затем смело высунула голову, увидев, что Анина спина надежно защищает меня от их любопытных глаз.

Вот новенький полез в карман, достал крупную купюру, сунул в папку для счета. Улыбнулся. «Блин, да перестань ты сражать всех наповал своими ровными белыми зубами!» Даже если они смыкаются в такую ровную линию, заставляя дрожать поджилки... Вика, наверное, чуть не ослепла.

Солнцева перекинулась с ним парой слов, кивнула и забрала папку.

А затем... «Моя ты хорошая! Надо же быть такой неловкой, ай-яй! Как неудобно вышло!» Стакан сока вдруг полетел вниз, аккуратно на колени к Старыгиной. Та вскочила, визжит, бедная. «Ну, и заведение. Что за сервис!» Как я ее понимаю...

Аня: «Простите, простите. Давайте помогу». А Димочка-то как заметался. Не знает, за что хвататься. Правильно – за салфетки. Я зажала рот рукой, чтобы не заржать, как вдруг замерла с выпученными глазами.

Он смотрел на меня, застыв с салфетками в руках. Смотрел, нахмутив брови, через весь зал. На меня! Вика моментально исчезла из моего поля зрения, Аня тоже. Исчезли все посетители кафе, бармен, люди на улице. Остались только мы с ним вдвоем. Смотрели друг на друга через десяток метров, нас разделяющих, и не дышали. Он не улыбался, не хмурился больше, вообще не двигал ни единой мышцей на лице. А я понимала, что нужно спрятаться, и не могла отвести глаз. И Дима, похоже, тоже.

Мы просто не могли перестать смотреть друг на друга. До головокружения, до ощущения сжатия пространства, словно бы эти несколько метров вдруг превратились в один. Мне вспомнился наш вчерашний поцелуй. Такой неожиданный, горячий. И ему, возможно, тоже.

Мне захотелось выйти и подойти ближе. Чтобы повторить то, что вчера казалось таким естественным и невероятным. И я почти сделала шаг, когда руки Вики вдруг выхватили салфетки из его рук, заставив меня очнуться. Он повернулся к ней и, больше не оглядываясь. Что-то говорил, пытаясь утешить, успокоить и мягко похлопывал ее по плечу.

Я шагнула назад и задернула штору, бросив последний взгляд через маленькую щель. Увидела, как они удаляются из кафе. Навалилась на стену, содрала косынку с головы и закрыла глаза, пытаясь унять сердцебиение.

Через секунду уже появилась Солнцева:

– Не знаю, кому я только что помогла, но он повез эту Вику домой.

– Понятно. – Я накинула кофту, проверила наличие сигарет в кармане и направилась к черному входу. – Он меня увидел. Позорище. В этой дурацкой косынке. Кухарка и мажор, блин. Вот же смех! О чем я, вообще, думала?

– Ты это... Прости, Маш. – Донеслось из-за спины. – Правда, по-дурацки как-то вышло. Думала, помогу...

Я вышла, хлопнув дверью. Нет, не прямо так, как показывают в фильмах – легонечко, не у себя же дома.

Села на маленькую скамейку и достала зажигалку. Вынула сигарету, прикурила. Дым забрался сразу глубоко в легкие, обжигая и заставляя голову кружиться. Я посмотрела на огромное голубое небо, даже оно сегодня давило на меня всей своей тяжестью.

Выдохнув, я наблюдала, как серое облачко, подхваченное легким ветерком, взмывает в воздух и обрушивается прямо на мои волосы. Ну, вот – опять брат будет ворчать на меня из-за запаха дыма. Лишь бы маме не доложил. Когда та хватается за сердце, мне становится совсем не по себе, все-таки, огорчать родительницу это больше к Пашке.

Я прикусила фильтр, отчаянно, сильно, до скрипа в зубах. Да что ж за ерунда такая творится в моей жизни? Разве могла я когда-нибудь представить, что все так обернется? Почему никто не предупредил, что жизнь может измениться в один день? И что взрослеть будет так трудно и больно?

Страхнув пепел в урну, я закинула ногу на ногу. Ужасно захотелось все-все вернуть. Хотя бы первый день в универе, когда можно было просто сказать всем «привет», вместо того, чтобы испуганно глазеть на новый мир с последней парты. Я ведь умею, могу. Я не серая мышь, и никогда ею не была. Почему тогда позволила поставить себя в такое положение? Почему приняла правила не моей игры, закрылась ото всех? И не захотела исправить, пока еще можно было.

Мне так не хотелось верить в предательство Игоря. Я открылась ему и до последнего ждала каких-то адекватных объяснений его поведению. Ждала даже тогда, когда и ждать-то было уже нечего, когда он проходил мимо меня на занятиях и даже не оборачивался, чтобы поздороваться. Я все равно ждала. Ждала каждый вечер, что он позвонит и извинится. Ждала, что напишет «я был не прав», да хотя бы обычное «прости», в конце-то концов. Вот дура. Дура, она и есть!

И что мне дали эти неудавшиеся отношения с Костылем? Ничего. Подарили неуверенность в себе и увлечение сигаретами. Все? Да они даже не помогают, эти сигареты. Ни успокоиться, ни собраться с мыслями, ни заглушить боль.

В моем случае все бессильно. Появился симпатичный парень на горизонте, пусть даже заинтересованный мной из-за дурацкого спора, но я не могу пустить его в свой мир. Вдруг он наследит там и свалит? Вышвырнет, как ненужную вещь. Нужно уже просто признаться самой себе: Маша, ты больше не можешь никому доверять. А сможешь ли когда-нибудь? Не знаю, вряд ли.

Может, стоило бы завести с ним отношения без обязательств? Мне приятно, и ему хорошо. Заодно и Вика побесилась бы. Но ведь я так тоже не умею, и глупо это не признать. Ну, не смогу встречаться с человеком и ничего при этом к нему не чувствовать. Не смогу не реагировать на сплетни обо мне, не смогу его отпустить, все равно будет больно, как ни крути.

Так тогда лучше и не начинать. Все, забыли, отбросили. Тем более и рассуждать тут не о чем – мы разного поля ягоды, и он ушел с другой.

12

Посидела с десяток минут, раздумывая, не выкурить ли еще одну. Нет, не стоит, затошнит еще. Затушила окурок и выбросила в урну. Глубоко вдохнула и толкнула дверь в помещение.

– Тебе меня не победить!

– Ха-ха! Если бы я не поддавался, твоя рука давно лежала бы на столе!

– Поддавался? Да ты еле терпишь, смотри не лопни! Глаза так и лезут из орбит! Слаба-а-ак!

– Я слабак? – До боли знакомый мужской смех. – А так?

– Ы-ы-ы-ы, – заскрипела Аня. – Тебе... меня... не по-бе-дить!

– Ты уже говорила. – Самоуверенно и насмешливо ответил ей тот же голос.

Нет, я определенно знала его. Повесив кофту на крючок возле выхода, я торопливо направилась на кухню.

Мне не сразу удалось понять, что происходит возле моего стола. Спины поваров закрывали весь обзор: Лиля, Оганес и Степан окружили странную парочку со всех сторон, подбадривая кивками головы и даже свистом. Оля, бармен, выглядывала из-за шторы, с интересом наблюдая за событиями, которые разворачивались прямо на моем рабочем месте.

Какого черта, вообще? Я подошла ближе, с трудом протиснувшись между поварами и застыла в изумлении. Неизвестно откуда взявшийся на кухне новенький соревновался в армрестлинге с моей подругой! Его свитер болтался на спинке стула. Сам же он сидел на стуле, широко расставив ноги. В одной (чтоб мне ослепнуть) майке! На голое (успокоительного мне срочно!) тело, в тех же, что и недавно, черных джинсах и черных кедах. Упирали острый локоть в столешницу и, смеясь, давали отпор словно взбесившейся Аньке.

Солнцева кожилилась, стараясь уложить его кисть на поверхность стола. Помогала себе всем весом тела и страшно бесилась, что он, глядя на ее старания, заливисто хохотал. Отвлеклась она лишь единожды и всего на долю секунды, чтобы успеть бросить на меня короткий взгляд, и сразу усилила давление, упираясь каблуками в скользкую кафельную плитку. Зрачки, налитые красным, уже стремились покинуть ее веки, но Аню это не смущало.

– Гх-х-х, – раздалось ее то ли рычание, то ли сипение. – Гхы-ы-ы-ы...

– Давай, девочка, старайся. – Усмехнулся мой новый знакомый, лениво зевнув. – Сейчас ты проиграешь, и тебе придется рассказать, где ты скрываешь мою...

Он осекся, заметив меня. Так и замер с раскрытым ртом, когда Солнцева вдруг опрокинула его руку на поверхность стола и вскочила в победном прыжке:

– Ха! Знай наших! Дохлак!

Но парень уже не слышал ее: встал, продолжая так же бесстыже пялиться на меня. Оглядев с ног до головы, задержался взглядом лишь на моей униформе – словно не мог поверить своим глазам. Или не хотел.

Следов сильного разочарования в них я, как ни странно, не заметила. Только интерес. Новенький оценивающе ухмыльнулся и сложил руки на груди:

– Ну, привет.

– Привет. – Фыркнула я, задрал нос.

Ну и что, что в форме. Ну и что, что работаю в общепите. Зато работаю! Сама себе зарабатываю на все необходимое и горжусь этим. И если бы навоз вилами ворочала, то также бы сейчас стояла – гордо выпрямив спину. Зато все сама: родители не избаловали и папиков нет, щедро золотящих ручку.

– Так все, расходимся! – Скомандовала Солнцева, подталкивая Лилечку в спину. – Шоу окончено.

Парень пропустил вперед расстроенную публику, и когда они вернулись на свои рабочие места, он сделал неуверенный шаг вперед. Первым делом мой взгляд упал на его татуировки. Странно, но они мне больше не казались уродливыми.

Теперь, когда Дима был в этой майке, можно было хорошо рассмотреть их. И орла с огромными черными когтями, которыми тот цеплялся за веточки. Или не веточки? Рога. Большие раскидистые рога – кажется, оленя. Не было видно целиком, потому что рисунок уходил ниже, под тонкую ткань. Зато хорошо видны были его плечи: широкие, загорелые и мускулистые, украшенные с одной стороны рисунком, плавно перетекающим в целый «рукав» из татуировок. И здесь, на руке, их было гораздо больше, чем можно было предполагать тогда, в автобусе – просто целое полотно.

Мне дико захотелось провести по его коже пальцами: начиная от уха, вниз по шее – к ямочке между ключиц, и спуститься по руке к запястью. Наваждение какое-то. Но вместо этого я, нахмутив лоб, выдала:

– Аня, а почему у нас посторонние на кухне?

Сказала все это, даже не глядя на нее – потому что мы с новеньким уже снова играли в гляделки: кто кого испепелит взглядом быстрее. Подруга сложила губы в трубочку и что-то невнятно промычала в ответ. Ей, похоже, нравилось то, что разворачивалось сейчас прямо на ее глазах.

– Не сердись, маляус. – Вдруг улыбнулся Дима, заставив мой желудок буквально сжаться в комок. – Мы уже познакомились с твоей... предприимчивой подругой. Я попросил проводить меня к тебе, но она молчала, как партизан, пришлось уговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.